

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Фридрих Евсеевич Незнанский

Меткий стрелок

Серия «Агентство «Глория»»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136099
Меткий стрелок: АСТ; М.: 2001
ISBN 5-17-000000-0*

Аннотация

В центре Москвы, в подземном комплексе Манежной площади, выстрелом в упор убита известная журналистка из московского бюро радио «Свободная Москва». На месте преступления найдено единственное вещественное доказательство — выброшенный в урну парик. По просьбе двух теток погибшей, проживающих в Израиле, за расследование этого непонятного убийства берется шеф агентства «Глория» Денис Грязнов.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	11
Глава третья	24
Глава четвертая	30
Глава пятая	35
Глава шестая	39
Глава седьмая	45
Глава восьмая	50
Глава девятая	54
Глава десятая	59
Глава одиннадцатая	68
Глава двенадцатая	82
Глава тринадцатая	88
Глава четырнадцатая	98
Глава пятнадцатая	104
Глава шестнадцатая	109
Глава семнадцатая	113
Глава восемнадцатая	120
Глава девятнадцатая	126
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Фридрих Незнанский

Меткий стрелок

Глава первая

Стоял прекрасный майский день. На небе ни облачка. Солнце светило ласково, но ненавязчиво. Москвичи, скинув наконец опостылевшие за холодные деньки куртки и свитера, прогуливались по Манежной площади в майках и легких рубашках.

Стройная женщина средних лет с коротко стриженными каштановыми волосами и упрямо вздернутым носиком сидела на скамейке, скинув туфельки, и со скукой во взгляде рассматривала гуляющих.

Было видно, что это занятие не приносит ей никакого удовольствия, а занимается она этим лишь затем, чтоб хоть как-нибудь убить время. Женщина мельком взглянула на часики и тихо вздохнула.

Несмотря на скучающий вид, в ее блестящих глазах, под которыми легла легкая тень, какая обычно бывает после бессонной ночи, читалась тревога.

На другой конец лавочки присел пожилой мужчина в потрепанном костюме, посмотрел на женщину, улыбнулся и подмигнул ей. Видимо, рассчитывал на ответную улыбку.

Однако просчитался. Женщина лишь сердито нахмурилась и поближе пододвинула к себе небольшой портфель из коричневой кожи. Мужчина хмыкнул и отвернулся.

Народу на площади было полно, в особенности молодежи. Однако попадались и вполне зрелые люди. Кто-то сидел на скамейке и потягивал пиво, кто-то лениво прогуливался, что-то насвистывая себе под нос и глаза на кремлевские стены.

Ее всегда удивляло, откуда в разгар буднего дня берется столько бездельников? Складывалось впечатление, что в Москве люди не работают, а только и делают, что шляются по кафе, пьют пиво и совершают шопинги. Хотя чего удивляться, подумала она, Москва огромный город, и на восемь миллионов жителей всегда отыщется несколько сотен тысяч тех, для кого жизнь — сплошной и бесконечный праздник. Как там у Хемингуэя? Париж — это праздник, который всегда с тобой? То же самое можно сказать и о Москве. А если добавить к этому десятки, а может быть, даже сотни тысяч приезжих...

— Привет, — произнес у самого ее уха густой, хрипловатый баритон.

Женщина вздрогнула и подняла лицо.

Высокий парень с широченными плечами пожимал руку пожилому мужчине, не обращая на нее никакого внимания. Пожилой поднялся, и оба мужчины удалились.

«Дорогая моя, у тебя паранойя, — сказала себе женщина. — Успокойся. Ты уже не маленькая. А то ведь так недолго и с ума сойти».

Однако, несмотря на все доводы разума, волнение осталось. Сидеть просто так было невыносимо. Нужно было скорее чем-нибудь себя занять.

Женщина сунула босые ноги в туфельки, взяла портфель и поднялась со скамейки. Подумала мгновение, не вернуться ли домой, но тут же обозвала себя трусливой дурой и, решительно тряхнув каштановыми прядями, направилась к подземному переходу.

По сравнению с улицей в переходе было прохладно и мрачно. «Прямо как в склепе», — подумала женщина и усмехнулась. В отличие от площади, людей здесь было немного.

Она огляделась по сторонам, и взгляд ее упал на газетный киоск. «А почему бы и нет?» — подумала женщина и двинулась к нему.

Посмотрела на выставленные в витрине киоска газеты и журналы, сунула руку в карман, достала мелочь. Посчитала. Хватало на пару газет.

— Вы берете? — обратился к ней невысокий худощавый паренек в круглых очочках, с реденькой бородкой и всклокоченными волосами. По виду типичный студент.

— Разумеется, — недовольно проворчала женщина, окинув его таким взглядом, что паренек смущенно поежился.

Он виновато улыбнулся и тут же отошел в сторону, уступая ей место у окошка.

Женщина хмыкнула и, наклонившись к окошку, произнесла:

— Будьте добры, «Версию» и...

Договорить она не успела. У нее за спиной раздался легкий хлопок.

Брызнувшая фонтаном кровь залила стекло киоска. Женщина покачнулась и медленно сползла на цементный пол.

Стоящая рядом торговка с охапкой легких блузок в руках повернула голову и, увидев лежащую на полу женщину, энергично перекрестилась.

— Эй! — окликнула она. — Эй, девушка!

Проходящий мимо седой мужчина остановился.

— Что это с ней? — спросил он у продавщицы блузок. — Обморок? — Подошел чуть ближе. — Да нет, не похоже.

Паренок в очочках страшно побледнел, попятился назад, чтобы не наступить в расплывающуюся по полу лужу крови, поднял глаза на седовласого и тихим, дрожащим голосом сказал:

— В нее стреляли.

— Кто стрелял? Когда? — не понял седовласый.

— Я не знаю, — пролепетал парень. — Вы что, не видите? — Голос его сорвался на хриплый шепот: — У нее из головы... кровь.

Скрипнула дверца. Молоденькая белокурая продавщица

вышла из газетного киоска и в растерянности остановилась перед лежащим телом. Левая щека продавщицы была испачкана кровью. Она явно была в шоке. Еще несколько человек из прохожих остановились перед лежащей женщиной и, не зная, что предпринять, изумленно уставились на расплывающуюся по цементному полу вязкую багровую лужу.

Парень в очочках присел рядом с женщиной на корточках. Робко заглянул ей в лицо и в ужасе отшатнулся. Затем повернулся к торговкам и произнес нервным, срывающимся голосом:

— Позовите милицию! Она мертва!

Какой-то подросток, вертевшийся рядом, бросился исполнять приказание.

Он пулей пронесся по ступенькам, ведущим вверх. Выбегав на улицу, огляделся и со всех ног кинулся к зданию Государственной думы, где приметил двух милиционеров в голубых рубашках.

Тем временем студент поднял с пола кожаный портфель женщины. Повернувшись ко все еще не пришедшей в себя публике спиной, он открыл портфель, лязгнув позолоченными замочками, что-то быстро оттуда достал и засунул во внутренний карман пиджака.

Затем поднялся с корточек и, бросив через плечо: «Я за „скорой“», быстрыми шагами двинулся к выходу, в сторону Тверской улицы.

Возле тела стал собираться народ.

— Что такое? — спрашивали те, кто стоял позади. — Что дают?

— Убили! — отвечали им.

— Кого убили?

— Да вот же, женщину. Не видите, что ли?

Продавщица газетного киоска приложила ладони к забрызганному кровью лицу и зарыдала.

Из толпы вывернулась какая-то тетка с красным, испитым лицом и крикнула:

— Я видела! Я видела, кто убил! Крепкий такой. В пиджаке. Туда пошел. Туда! — Она махнула рукой в сторону выхода на улицу и добавила: — А пистолет в руке нес!

Через несколько минут подоспела и милиция. К этому времени тело мертвой женщины было окружено плотным кольцом зевак. А жаждущий развлечений народ все прибывал.

— Отойдите! — рявкнул на публику коренастый краснолицый сержант. — Дайте пройти милиции!

Не дожидаясь реакции на свой призыв, он усиленно и без всяких церемоний заработал локтями. На милиционера посыпалась ругань:

— Куда прешь?

— Совсем менты обнаглели!

— Явились не запылились!

Не обращая никакого внимания на эти реплики, милици-

онеры пробились наконец к телу. Краснолицый нагнулся. А его коллега — белобрысый молодой паренек — попробовал оттеснить публику назад.

— Ну что? — спросил он сержанта, обернувшись к нему через плечо.

— Аллес, — устало ответил тот. — Вызывай оперов.

Белобрысый вынул из кармана рацию, а краснолицый повернулся к окружившим тело женщины людям и громко сказал:

— Граждане! Кто из вас видел, что здесь произошло?

Народ невнятно загудел. Милиционер поморщился, сдвинул фуражку на затылок, провел ладонью по вспотевшему лбу и сказал еще громче, чем прежде:

— Свидетелей происшествия я попрошу остаться. К остальным, — милиционер сделал строгое лицо, — убедительная просьба разойтись. Разойдитесь, граждане. Имейте совесть. Тут вам не цирк.

Глава вторая

— Здравствуйте! — Невысокий крепкий мужчина протянул капитану руку: — Дежурный следователь Звягинцев.

— Инспектор угро капитан Мурадов, — отрекомендовался капитан, пожимая следователю руку.

У Звягинцева было усталое, желтоватое лицо. Он достал сигарету и закурил.

— Что скажете, капитан?

— Женщину убили, — ответил капитан Мурадов.

Звягинцев нервно усмехнулся.

— Сам вижу, что она не на корке арбузной поскользнулась.

— Извините, — стушевался капитан. — Это я машинально. По свидетельству очевидцев, женщина покупала газеты. У нее за спиной прошел молодой мужчина и прямо на ходу выстрелил ей в шею.

— И затем, я полагаю, растворился в толпе? — закончил за него Звягинцев.

— Так точно.

Следователь выпустил густое облако табачного дыма и, повернувшись к своим, коротко приказал:

— Приступайте, ребята.

Судмедэксперт, пожилой, грузноватый мужчина с аккуратно зачесанными назад седыми прядями, склонился над

трупом. Поднял голову и сказал:

— Перебита артерия. Шанса у нее не было.

Звягинцев коротко кивнул и вновь повернулся к капитану:

— Свидетелей много?

— Трое, — ответил капитан Мурадов. — Вон они стоят. Хотел отвести их в отделение, но музыкант заартачился. Твердит про какой-то концерт.

— Ладно. — Звягинцев помахал перед лицом рукой, отгоняя табачный дым, и, сурово сдвинув брови, рывкнул на худосочного юношу с фотоаппаратом.

— Хватит топтаться на месте. Ты криминалист или хрен собачий? Работай!

Юноша встрепенулся и защелкал фотоаппаратом, фиксируя общее положение трупа. Звягинцев подошел к телу и присел рядом с судмедэкспертом. Внимательно осмотрел тело и, потирая большим пальцем лоб, протянул: «Н-да...»

Через пару минут его окликнул один из оперативников:

— Сан Саныч, взгляните на это!

Звягинцев выпрямился и посмотрел на предмет, который протягивал ему оперативник.

— Парик, — констатировал он. — Где нашли?

— В урне возле выхода к гостинице «Москва», — доложил оперативник.

— Понятненько, — тихо произнес Звягинцев, почти не разжимая губ. Почесал рукой небритый подбородок и доба-

вил: — Тащи сюда Славика со служебно-розыскной. Шанс, конечно, минимальный, но попробовать стоит.

Оперативник умчался наверх и через несколько минут вернулся со смуглым, лохматым Славиком. На поводке впереди Славика бежала большая черная овчарка, такая же лохматая, как и ее хозяин.

Собаке дали понюхать парик, и вскоре она рванула в сторону выхода к гостинице «Москва».

— Пока все верно, — хмыкнул Звягинцев, глядя вслед удаляющейся собаке. — Ну поглядим, поглядим...

Он отбросил окурок, достал из кармана пачку сигарет, вытряхнул одну, вставил ее в рот и, чиркнув зажигалкой, посмотрел на свидетелей в хищный прищур. Затем выпустил струю дыма, достал из кармана блокнот, ручку и быстрыми шагами направился к ним.

Старушка была преисполнена собственной значимости.

— В общем, так, — начала она, искоса поглядывая на усмехающегося музыканта. — Стою я, значит, вот здесь, продаю... — Тут она осеклась и бросила на краснолицего сержанта, который стоял тут же, быстрый взгляд. — То есть стою я, значит, разговариваю с... — Она опять запнулась, ища глазами предполагаемого собеседника.

— Короче, бабуля, — прервал ее поиски капитан Мурадов. — Что ты как первый раз замужем. Стоишь ты, значит, и торгуешь. Дальше.

— Кто сказал, что я торгую? — встрепелась старушка, возмущенно всплеснув руками.

Милиционер вновь поморщился. Видимо, эта тема начала его доставать.

— Неважно, — резко сказал Звягинцев, царапая ручкой по блокноту. — Стоите вы — и дальше что?

— А дальше так. Подходит эта дамочка к киоску... Я сразу на нее внимание обратила. У нее кофточка голубая, как у моей невестки. Только у моей невестки шовчик понизу двойной, а у этой...

— Короче, бабуля, — простонал капитан. — Давайте ближе к делу.

— А я и так ближе, — обиженно проворчала бабуля. — А вы на то и милиция, чтобы людей слушать, а не рты им затыкать. — Она повернулась к Звягинцеву и, беззубо улыбаясь, спросила: — Правильно я говорю?

— Абсолютно, — кивнул следователь. — Вы оказываете нам неоценимую помощь. Продолжайте.

Бабуля с гордостью и вызовом посмотрела на ухмыляющегося музыканта и продолжила:

— Ну подходит она, значит, к киоску. Нагибается к окошку... А тут мимо парень этот...

— Какой парень? — быстро перебил Звягинцев.

— Какой, какой... — Старушка задумалась. — Откуда ж я знаю — какой? Он ко мне спиной был. Проходит, значит, мимо — и вдруг достает из кармана пистолет. — Старушка

сдвинула брови и, стрельнув на милиционера глазами, добавила: — С глушителем.

Милиционер усмехнулся.

— Откуда ж вы, бабуля, про глушитель знаете?

Старушка обиженно фыркнула:

— Чай, не дура. И кино смотрю. Опять же звука выстрела не было. Только хлопнуло, как будто выбивалкой по ковру.

— Давайте по порядку, — прервал ее излияния Звягинцев. — Вы сказали — достал он пистолет. Дальше.

— Ну да, я и говорю: достал пистолет, качнул им в сторону девушки этой и быстро пошел своей дорогой.

— Как он выглядел? — вновь встрял в разговор капитан Мурадов.

Старушка уставилась на него как на идиота.

— Откуда ж мне знать, милоч, когда он со спины был. Помню только, что в пиджаке он был. В коричневом таком, из этой... как ее... мягкая такая...

— Из замши? — спросил Звягинцев.

— Точно, — обрадовалась старушка. — Из ее, из замши. А больше-то я ничего и не видела.

— Ну а, — Звягинцев вновь почесал ладонью подбородок, — высокий он был или низкий?

В ответ старушка лишь пожала плечами:

— Да и не высокий, и не низкий. Так, обыкновенный. Вот примерно как вы. — Она скептически оглядела Звягинцева. — Ну или чуток повыше.

Звягинцев вздохнул.

— А телосложение? — спросил он безнадежным голосом.

Старушка надолго задумалась и наконец уверенно выдала:

— Обыкновенное.

— Понятно, — кивнул следователь.

Бомж не добавил к описанным событиям ничего нового, кроме того что парень этот был не в пиджаке, а в плаще, и вовсе не в коричневом, а сером, а росту был никак не меньше метр девяносто. И при этом прихрамывал то ли на левую, то ли на правую ногу.

— Понятно, — опять кивнул Звягинцев, выслушав эту ахинею. На этот раз голос его звучал еще более пессимистично.

Покончив с бомжем, он обратился к музыканту. Это был ироничный молодой мужчина в белой рубашке и черном кожаном жилете. Он уже упаковал саксофон в футляр и теперь стоял, зажав этот футляр между ног, как величайшую ценность, и засунув руки в карманы. Показания старушки и бомжа он выслушивал с кривой ухмылкой.

— Бабулин портрет правдоподобней, — сказал музыкант. — Я как раз отдыхал после соло. Достал сигаретку, закурил. Стал глазеть по сторонам. Люблю посмотреть на людей в метро. Встречаются такие интересные типажи... Впрочем, неважно. Тут мимо меня проходит парень... В коричневом пиджаке, как и сказала бабушка. Роста скорей высо-

кого, чем среднего... — Музыкант задумался. — Где-то около метра восьмидесяти с копейками. Стройный, поджарый, в темных очках. И вот еще деталь — длинные черные волосы.

— Конский хвост? — спросил Звягинцев.

— Нет, — покачал головой музыкант. — Наоборот, распущенные. Из-за этой шевелюры и из-за темных очков лица было совсем не разглядеть.

— Понятненько, — сказал следователь. — Что было дальше?

— Дальше? Шел он очень быстро. А как только поравнялся с киоском, тут же выхватил из-за пазухи пистолет и выстрелил. Прямо на ходу. И, не останавливаясь, зашагал дальше.

Звягинцев прищурился:

— Куда он пошел?

Музыкант растерянно развел руками:

— Вот этого я, извините, не заметил. Все мое внимание было обращено на упавшую женщину. Да и... — Музыкант усмехнулся. — Разве это так уж важно? Он мог пойти куда угодно. Может, он сидит сейчас в баре, под землей, и спокойно попивает кофе. Метрах в пятидесяти от нас.

— Ну это вряд ли, — сухо заметил Звягинцев. — Еще что-нибудь необычное заметили?

— Не знаю. — Мужчина пожал плечами. — Был еще один парень в очках. Свидетель. Похож на студентика. Но как-то уж очень быстро он ретировался.

— Точно, — поддакнула бабуля. — Был очкарик. Он еще за милицией побежал.

— Сержант, — подозвал к себе Звягинцев краснолицего милиционера. И когда тот подошел, спросил: — Кто вас позвал?

— Да мальчонка какой-то. Шустрый такой, лет десяти — двенадцати.

— Где он теперь?

Сержант сдвинул на затылок фуражку и пожал крепкими плечами.

— А шут его знает. Где-то потерялся. Может, тут где-нибудь бегает?

Звягинцев повернулся к свидетелям и вопросительно посмотрел на музыканта.

— Нет, — покачал головой музыкант. — Это не тот. Тому лет двадцать — двадцать пять. Он в тот момент стоял у киоска. А когда женщина упала, наклонился над ней и... — Музыкант замер, как будто пораженный какой-то мыслью.

— Что? — нетерпеливо спросил Звягинцев. — Что он сделал?

— Точно не знаю. Но я видел, как он взял в руки ее портфель. Потом повернулся и крикнул, чтобы звали милицию.

— Да, — опять вмешалась в разговор старушка. — Так и сказал: бегите, говорит, за милицией. Женщину, говорит, убили.

Вернулся Славик с собакой. Оба тяжело дышали.

— Ну? — спросил Звягинцев.

— Потеряли метрах в тридцати от выхода, — доложился Славик, с трудом переводя дыхание. — Рэд довел до большой лужи с серными разводами — и каюк. Дальше ни в какую.

Звягинцев посмотрел на пса тяжелым, полным осуждения взглядом. В ответ Рэд прижал уши и, опустив лохматую голову, уткнул взгляд в землю, словно почувствовал свою вину.

— Ладно, — сказал псу Звягинцев. — Не казни себя.

Он ласково потрепал Рэда по загривку.

Подошедший сзади оперативник тронул следователя за плечо. Звягинцев вздрогнул. Быстро обернулся и процедил сквозь зубы:

— Еще раз так сделаешь — пристрелю.

— Простите, Сан Саныч, — весело откликнулся оперативник. — Вот ее документы, достали из портфеля. Я думал, вам интересно. Но если нет — я могу отнести их обратно.

— Поговори мне еще, — с угрозой сказал Звягинцев. И проворчал, раскрывая паспорт: — Тоже мне остряк-самоучка... Так-так-так... Что тут у нас? Доли Гордина. Сорок четыре года. Родилась в Новгороде... А это? — Он взял из рук оперативника коричневую кожаную корочку с золотым тиснением. — Журналистское удостоверение... И где же это мы работаем?.. Ага, радио «Свободная волна»... Интересно, интересно...

— Сан Саныч, — прервал его размышления оперативник, — в сумочке не было кошелька. Вряд ли женщина могла отправиться гулять по центру Москвы, имея в кармане восемь рублей мелочью...

— Соображаешь, — кивнул Звягинцев. — Стало быть, это...

— Ограбление, — с готовностью предположил оперативник.

Звягинцев смерил его уничтожающим взглядом, тихонько покачал головой и тихо произнес:

— Не думаю. Слишком уж хитро сработано для простого ограбления. Скорей всего, нас хотят пустить по ложному следу. Хотя... — Он пожал плечами. — Если в сумочке кроме кошелька был еще и конверт, туго набитый долларами, то почему бы и нет. Что у нас с пальчиками?

— Коля работает. Есть на портфеле... Не знаю, правда, чьи...

— Хорошо, — отрезал Звягинцев. — Приобщим к делу, а там видно будет. — Он закурил новую сигарету и выпустил дым в сторону молодого оперативника. — Иди помоги ребятам. Загляните в каждую урну в радиусе пятидесяти метров. Может, найдем еще что-нибудь интересное.

— Ага, — кивнул оперативник. — Например, пару-тройку бутылочек. Сдадим — и заработаем себе на мороженое.

— Не знаю, как остальные, а ты у меня точно заработаешь, — погрозил ему дымящейся сигаретой Звягинцев. —

Хватит трепаться. Действуй.

Оперативник демонстративно поморщился, тяжело вздохнул — дескать, такая уж наша сыскарская доля — и отправился выполнять приказание.

А Звягинцев, смоля сигаретку, принялся заполнять протокол осмотра.

Прошло несколько минут.

— Так, граждане, — обратился к свидетелям Звягинцев. — Теперь подходим ко мне и сообщаем свои адреса и номера телефонов.

— Что, опять? — всплеснула руками старушка.

— А паспорта вернете? — блеснув белоснежными зубами, спросил музыкант.

— Да, разумеется. — Звягинцев посмотрел на музыканта тяжелым взглядом. — Сейчас проедете с нами для составления фотопортрета.

— Товарищ милиционер, я не могу, — заартачился музыкант. — У меня сегодня еще концерт.

— Что за концерт?

— Играю в парке.

Звягинцев задрал рукав пиджака и взглянул на часы.

— Во сколько? — спросил он музыканта металлическим голосом.

— В пять, — ответил тот.

— До пяти успеете.

— Батюшки, — восторженно вскрикнула бабуля. — А как же моя

сумка?

Звягинцев поморщился:

— Какая еще сумка?

— Да с товаром! — воскликнула старушка, но тут же поправилась: — То есть... с вещами... разными.

— Большая? — поинтересовался Звягинцев.

— Да не то чтобы. Но...

— Ладно. — Звягинцев милостиво махнул сигаретой. — Можете взять ее с собой.

Старуха обрадованно метнулась за полосу ограждения и вернулась с огромным полосатым баулом — метра два на два.

Звягинцев посмотрел на баул, и лицо его — и без того не пышущее здоровьем и жизнерадостностью — помрачнело еще больше. Однако делать было нечего: слово есть слово.

— Ну, есть какое-нибудь мнение? — обратился Звягинцев к судмедэксперту.

Тот кивнул головой:

— Выстрел был произведен с близкого расстояния. Примерно метра два. Пуля попала пострадавшей в шею, перебив артерию... Контрольного выстрела не понадобилось. Поскольку пистолет был с глушителем, можно предположить, что работал профессионал.

Звягинцев повернулся к молодому оперативнику:

— Ориентировку по приметам дали?

— Так точно, — доложил оперативник. — Правда, с та-

кими приметами надежд мало.

— Скоро будет фоторобот, — заметил Звягинцев. И усмехнулся: — Если предположить, что парик принадлежал киллеру, то у нас остаются только темные очки. Остальное не в счет. Со вторым парнем то же самое. Кудряшки, очки, борода — все это могло быть простым маскарадом.

— Ничего другого у нас пока нет, — вздохнул оперативник.

Звягинцев пристально на него посмотрел, но ничего не сказал.

Глава третья

Звягинцев сидел в кабинете шефа и смотрел в стол.

— Ну, — обратился к нему шеф. — Что скажете, Сан Саныч?

Следователь пожал плечами:

— Информации мало. Боюсь, что это очередной «глухарь».

Шеф усмехнулся:

— А не рановато ли лапки кверху подымать?

— Обижаете, Семен Сергеич. Я ведь пока и не подымаю. Просто трезво оцениваю ситуацию.

Шеф помолчал. Побарабанил пальцами по столу и спросил:

— Что с отпечатками?

— Пальчики проверили. Кроме тех, что принадлежат убитой, нашли всего два смазанных отпечатка. В дактилокартах ничего похожего нет.

Семен Сергеевич вновь побарабанил пальцами по столу. Звягинцев откинулся на спинку кресла, закинул ногу на ногу, положил ладонь на коленку и принялся с усиленным вниманием рассматривать свои пальцы.

— А что с париком? — спросил шеф.

— Я же уже докладывал. Эксперты нашли несколько волосков.

— Ну вот видишь. Это уже хорошо. В наше время волосок — стопроцентная улика.

— Да, неплохо, — вежливо поправил начальника Звягинцев. — Криминалистическая наука, конечно, не стоит на месте. И волосок, конечно, улика. Но для начала не мешало бы поймать того, на чьей голове эти волоски красовались. — Звягинцев вздохнул. — А с этим пока туго.

— Ладно. Ты только не раскисай раньше времени. Что-то рожа у тебя, Сан Саныч, больно желтая. Не высыпаешься?

— Да где уж там, — махнул рукой следователь. — Выспишься тут.

— И куришь много, — констатировал Семен Сергеевич, продолжая разглядывать Звягинцева в упор. — Ты давай с этим завязывай, парень, пока не поздно. У меня и так хороших сыскарей не хватает...

— А я вроде умирать пока не собираюсь, — осклабился Звягинцев. — И увольняться тоже. По крайней мере, по собственному желанию.

— Ну-ну. — Семен Сергеевич усмехнулся. — Ты же знаешь, Звягинцев, твоё желание для меня закон. Так что будешь работать, пока ноги держат и котелок варит. Кстати насчет ног, что там у нас со связями погибшей? Выяснили что-нибудь интересное?

Звягинцев взял со стола папку, которую сам же и принес, раскрыл ее и положил себе на колени.

— Доли Гордина была сотрудницей радиостанции «Сво-

бодная волна». Слыхали про такую?

— Еще бы, — кивнул Семен Сергеевич. — Еще с советских времен. Американская?

— Ага. Только у них и русская служба есть. И свое бюро в Москве. В нем-то наша овечка Долли и работала.

Семен Сергеевич поморщился:

— Не будь циником, Звягинцев. При чем здесь овечка?

— Да это я так, шеф, к слову. Ладно, идем дальше. Руководителем московского бюро радио «Свободная волна» является небезызвестный вам Зелек Александрович Шустов.

— Постой, постой... Это не тот ли, который ведет на телевидении передачу... Как, бишь, она называется...

— «Участник событий», — подсказал Звягинцев.

— Точно. Только на кой черт ему сдалась эта передача, если он и так имеет неплохие дивиденды со своего радио?

— Ну, во-первых, радиостанция принадлежит не ему, — деликатно заметил Звягинцев. — А во-вторых — амбиции. К тому же... Вот представьте, захочет наш Зелек Шустов баллотироваться в депутаты или там еще куда. Для того чтобы победить на выборах, кандидату желательно иметь узнаваемую физиономию. Вот он ее и раскручивает по ящику.

— Да, — вздохнул шеф. — Голубой экран — штука сильная.

— И не говорите, Семен Сергеич. Посильнее «Фауста» Гете, как заметил Иосиф Виссарионович!

Шеф нахмурился:

— Хватит сыпать цитатами. Давай дальше.

— Руководит русской службой некий Юлий Семенович Леонидов, — доложил Звягинцев. — Личность тоже небезызвестная.

Начальник в ответ лишь кивнул.

— Дальше — больше, — продолжил Звягинцев. — Директором «Свободной волны» является американский гражданин Стивен Кросс. А наша Доли Гордина приходится ему — не падайте со стула — женой.

Звягинцев сделал паузу, чтобы насладиться произведенным эффектом. Но на начальника сие важнейшее сообщение никакого видимого эффекта не произвело.

— Ничего удивительного, — пожал он плечами. — Мало ли кто и куда пристраивает свою жену.

— Вы вот, однако, на мое место свою жену не посадите, — огрызнулся Звягинцев.

— Ну у тебя и самомнение, — усмехнулся в ответ Семен Сергеевич. — Сдалось ей твое место как собаке пятая нога.

Звягинцев насупился.

— Ладно, Сан Саныч, не горюй. Какие твои годы. Может, еще и до моего креслица доберешься.

— Это уж как пить дать, — согласился следователь.

— Ладно. Хватит подколок. Какое отношение имеют перечисленные тобой лица к убийству Гординой?

Звягинцев тяжело вздохнул.

— Похоже, никакого. А если и имеют, то нам об этом ни-

чего не известно. Мотивов мы никаких не раскопали.

— Ты был в московском бюро этой самой «Свободной волны»?

— Так точно. Встретился и с Шустовым, и с сослуживцами. С Леонидовым вот только не удалось. Он сейчас в командировке.

— Ну и чего говорят?

— Ничего особенного. Не участвовала, не привлекалась. С коллегами отношений не портила, хотя язычок у бабы, говорят, был острый. Многим от нее доставалось. Бывало, что и скандалила и на три буквы публично посылала.

— Вот, — расплылся в улыбке начальник. — А говоришь — нет мотива.

Звягинцев криво усмехнулся и махнул рукой:

— Да ладно вам, Семен Сергеевич. Мало ли кто кому чего скажет в запальчивости. Это еще не повод для того, чтобы нанимать киллера.

— Вообще-то обычно за это не убивают, — согласился шеф. — Если только не пьяная разборка. Но мир сложен, Сан Саныч... Мир сложен...

Семен Сергеевич достал из кармана платок и вытер пот со лба. Спрятал платок обратно в карман, протянул руку и нажал на кнопку вентилятора, стоящего на столе. Лопасты с тихим гулом завертелись, и лицо Семена Сергеевича прояснилось.

— Что с ее работой? — спросил он Звягинцева, с удо-

вольствием подставляя потное лицо под поток прохладного воздуха. — Может, какое-нибудь журналистское расследование?

Звягинцев с завистью посмотрел на вентилятор и пожал плечами.

— Да нет. Она редко занималась журналистикой. В основном менеджерская работа. Разные там связи с VIP-персонами, переговоры и тому подобное.

— Финансы?

— Нет. К финансам она никакого отношения не имела. Я же говорю — чисто менеджерская работа.

С лица Семена Сергеевича сошла краснота. Но и улыбка куда-то улетучилась. Он нахмурил косматые брови и строго спросил:

— Есть какие-нибудь версии?

— Пока нет, — вздохнул Звягинцев. И тут же добавил: — Работаем, шеф, работаем...

— Плохо работаете, — небрежно обронил Семен Сергеевич. — Боюсь, что одним «глухарем» в нашем курятнике станет больше. Ладно, иди работай.

Следователь поднялся с кресла, козырнул и быстрыми шагами вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Оставшись один, Семен Сергеевич достал из ящика стола флакончик с валидолом, вытряхнул одну таблетку и положил ее под язык. Повернулся к окну, посмотрел на проплывающие по небу облака и грустно сказал: «Скоро лето».

Глава четвертая

— Тихо, Гиточка, кажется, я дозвонилась.

Высокая, худощавая и прямая, как палка, Фира Гордина плотнее прижала к уху телефонную трубку и, посмотрев на сестру, поднесла к губам сухой, тощий палец.

— Сделай громкую связь, Фира, — попросила Гита Гордина, сложив руки замочком в немой мольбе.

В отличие от рыжеволосой и поджарой Фиры, Гита была полнокровной и румяной, а ее черные волосы отливали синевой. Над пухлой верхней губой Гиты пробивались маленькие усики. Походка ее была грузной, а взгляд тусклым, что в общем-то неудивительно для женщины, которой недавно перевалило за полтинник.

— Алло, здравствуйте! Это межрегиональная прокуратура центрального округа Москвы?.. Могу я поговорить с Семеном Сергеевичем Вороновым? Что значит — кто? Клиентка... Ну если вы так настаиваете — Фира Гордина... Да, так и передайте... Ага... Ага... Жду...

— Фирочка, громкую связь! — напомнила Гита.

Фира кивнула и нажал на кнопку.

— Слушаю, — произнес хриловатый мужской голос.

— Это Семен Сергеевич?

— Он самый.

— Фира Гордина вас беспокоит. Семен Сергеевич, я по

поводу моей погибшей сестры — Доли Гординой. Что-нибудь стало известно?

В трубке воцарилось молчание. Прошло не меньше пяти секунд, прежде чем Воронов снова заговорил:

— Фира Абрамовна, тут такое дело... В общем, вы не расстраивайтесь, но похоже, что дело вашей сестры будет... отложено.

— Что-о? — Трубка задрожала в руке Фиры. Тонкие губы поджались. — Что это вы такое говорите, дорогой мой? Как это — закрыто? Вы что, нашли убийцу?

— В том-то и дело, что нет. Дело приостановлено в связи с нерозыском обвиняемого.

— Извините меня, дорогой Семен Сергеевич. Может, я чего-то не понимаю, но ведь, кажется, искать убийцу — это и есть ваша работа. Вы что же, отказываетесь выполнять ваши прямые служебные обязанности?

— Фирочка, умоляю тебя, повежливей, — тихо проговорила волоокая Гита. На ее длинных темных ресницах поблескивали слезы.

— Видите ли, дорогая Фира Абрамовна, — проскрежетал Воронов, — дело было возбуждено больше двух месяцев назад. И до сих пор у нас нет никаких реальных продвижек.

— Да, но у вас же должны быть эти... как вы их там называете...

— Версии, — тихо подсказала Гита. — Они их называют версии.

— Версии, — громко повторила Фира вслед за сестрой.

— Версий было много, — вздохнул Воронов. — Но ни одна из них себя не оправдала. Скорей всего, это действительно было убийство с целью ограбления. Убийцы выпотрошили сумочку вашей сестры и умело замели следы.

— Какие следы? О чем вы говорите? — возмутилась Фира, приподняв рыжеватые брови. — На то вы и сыщики, чтобы следы разыскать. Или я не права?

— Правы в общем-то, — вяло произнес Семен Сергеевич. — Да только одной правотой сыт не будешь. Кроме желаний, предположений и надежд есть еще и суровая реальность. А что касается реальности, то она...

— Семен Сергеевич, — оборвала его Фира, — так вы будете продолжать расследование?

— Я же сказал, дело приоста...

— Мне не нужны ваши служебные формулировки, — крикнула Фира дрожащим от слез и возмущения голосом. — Мне нужен четкий ответ: вы будете продолжать расследование?

Воронов громко вздохнул и произнес угасающим голосом:

— Боюсь, что нет.

— В таком случае до свидания. И не думайте, что это сойдет вам с рук. — Фира всхлипнула. — Я найду управу на вас и вашу поганую контору.

— А это уж как вам будет угодно, — смиренно сказал Во-

ронов. — Прощайте.

Комнату наполнили короткие гудки. На том конце провода положили трубку.

Фира швырнула трубку на рычаг и повернулась к сестре.

— Плохо дело, Фирочка, — тихо проговорила Гита, с испугом глядя на сестру.

— Плохо, Гиточка, — в тон ей ответила Фира. Она взяла с дивана сумочку, достала из нее ажурный розовый платочек и промокнула им глаза.

— Что будем делать? — робко спросила Гита.

Фира спрятала платочек в сумочку, защелкнула замком и, повернувшись к сестре, громко и четко произнесла:

— Бороться. Я найду этих мерзавцев. Чего бы мне это ни стоило.

Гита кивнула и протянула руки навстречу сестре. Та ласково, но настойчиво уклонилась от объятий и сказала:

— Не время для сантиментов, Гиточка. Ты отправляйся домой.

— В Израиль? — изумленно воскликнула Гита, глядя на сестру округлившимися глазами.

— Нет, в Гваделупу, — съехидничала та. Но тут же смягчилась и добавила уже более ласково: — Ну конечно, в Израиль, милая моя. В дорогую сердцу Хайфу. Тебе здесь делать больше нечего. Я и сама могу справиться.

Гита обиженно поджала нижнюю губу и упрямо покачала головой.

— Что это значит, Гиточка? — холодно произнесла Фира. — Ты отказываешься?

— Да, Фирочка. Я отказываюсь. — В голосе черноволосой добрячки Гиты появился вызов. — Я не уеду отсюда, пока убийца моей сестры не понесет заслуженное наказание.

— Bravo! — сказала Фира и демонстративно похлопала в длинные узкие ладоши. — А если убийцу будут искать десять лет?

Гита заметно сникла, но, глянув исподлобья на строгую сестру, тихо сказала:

— Все равно.

— Еще раз bravo. — Рыжая усмехнулась. — К тому времени ты как раз станешь ветхой, больной, никому не нужной старушкой. С чем тебя и поздравляю.

— Пусть, — упрямо произнесла Гита. — Я уеду отсюда только вместе с тобой.

— Ну что ж, — Фира провела ладонью по своей плоской груди, смахивая невидимую соринку, — ты сама так решила. Не говори потом, что я тебя не предупреждала. Звони Семе Моисееву. Кажется, вы с ним были когда-то оч-чень дружны. — Фира ехидно улыбнулась. — Или я ошибаюсь?

Гита вспыхнула, но ничего на это не ответила. Лишь придвинула к себе телефон.

— Прости, — сказала Фира, потупив глаза, — я не хотела. Гита улыбнулась сестре и принялась накручивать номер.

Глава пятая

В памяти Фиры и Гиты еще живы были те тяжелые, но славные времена, когда они — три молодые девушки — жили в городе Риге и не жаловались на судьбу. Когда погибли отец с матерью, Доли было всего пять лет. На похоронах она плакала громче всех, особенно когда гроб опускали в могилу, но спустя каких-нибудь полгода она обо всем забыла и едва ли помнила даже то, как выглядели ее родители, не говоря уже о прочем. Она было взялась называть матерью Фиру, но та ее быстро от этого отучила. Хватило нескольких окриков и пары-тройки хороших шлепков.

Доли росла бойкой, любопытной и жизнерадостной девчонкой. Сестры окружили ее нежной заботой. Гита выучилась на швею. Спустя некоторое время средняя сестра — Фира — последовала ее примеру. В отличие от Гиты, Фире не очень нравилось портняжье искусство, но других способов содержать семью она не видела. Если старшая сестра работала за любовь, то средняя — за совесть. Ее упорству можно было только позавидовать.

Шли годы. Доли превращалась в хорошенькую девушку, и старшие сестры работали не покладая рук, чтобы их маленькая куколка Доли ни в чем не знала нужды. У нее были самые нарядные платьица и курточки. Самые модные шапочки и брючки.

Вскоре Фира ушла со швейной фабрики, заявив, что гробить время на эту красную сволочь — себе дороже, и она больше не намерена корячиться на фабрике от рассвета до заката за три копейки. Робкая и добрая Гита предпочла не спрашивать сестру о том, каких уродов она имела в виду, и просто смирилась с судьбой.

Вскоре Фира открыла свою собственную полулегальную частную лавочку. Поначалу она обшивала весь квартал, а уже через полтора года об искусной портнихе с улицы Ленина знала и вся Рига.

Гита не одобряла поступка сестры, но не осуждала и помогала как могла. Вскоре к портняжьему искусству приобщилась и подросшая Доли. Нельзя сказать, чтобы все было легко. Раз в год в дом сестер Гординых наведывалась с проверкой милиция. Однажды местная прокуратура даже возбудила против средней сестры уголовное дело по факту получения нетрудовых доходов. Фире грозила страшная статья с конфискацией имущества. Для того чтобы выручить непутевую сестру, доброй Гите пришлось снять со сберкнижки почти все деньги, накопленные за долгие годы непосильного труда.

Вскоре Фиру отпустили, а прокурор купил себе новенькую «Ниву» небесно-голубого цвета.

Фира долго не могла простить сестре «измену».

— Я сделала это для тебя, — робко замечала Гита.

— Неужели? — отвечала своевольная сестра. — Уж луч-

ше бы я сдохла в тюрьме.

Спустя еще несколько лет евреям в Союзе дали зеленый свет, и они целыми семьями потянулись на землю обетованную. Не оказались в стороне и сестры Гордины. Инициатором отъезда выступила Фира.

— В гробу я видала эту власть! — кричала она так громко, что Гита спешила закрыть в доме все окна и форточки — от греха подальше.

— Фирочка, — плакала Гита, сложив руки в замочек, — я умоляю тебя, потише. Подумай о Доли.

— Именно о ней я и думаю, — отвечала сестре Фира жестким, не терпящим возражений голосом.

Вскоре сестры распродали весь свой немудреный скарб и, испросив благословения у своего еврейского Бога, сели на самолет, летящий в Израиль. С этого дня для них началась новая жизнь.

В самолете симпатичная и общительная Доли познакомилась с пожилым, но чрезвычайно респектабельным немцем — Отто Беккером. Отто работал журналистом в небольшой западногерманской газете, симпатизирующей красным. Он писал книгу о Советском Союзе и, будучи человеком ловким и хитрым, сумел каким-то совершенно невероятным образом попасть на самолет, увозящий новоявленных эмигрантов на землю их отцов.

Спустя два месяца Доли вышла за Отто замуж и улетела с ним в ФРГ. Гита пробовала возражать, но Фира тут же пре-

секла все ее возражения, заявив: «Так будет лучше для нашей девочки». Потом были слезы, но и они не сумели растопить жестокие сердца двух младших сестер доброй толстушки Гиты.

В то время на радиостанции «Свободная волна», обосновавшейся в Мюнхене, не хватало сотрудников, и молодую портниху Доли Гордину — по протекции знакомых ее мужа — легко приняли в штат на должность редактора. А уже через несколько месяцев Доли стала вести ряд программ. И надо отдать ей должное — бывшая рижская портниха, попав в журналистику, превратилась в настоящего профессионала — из тех, кому, как говорится, палец в рот не клади и при ком желательно не произносить ничего лишнего, дабы это на следующий же день не попало в какую-нибудь газету.

Было это двадцать три года назад.

Глава шестая

Агентство Глория. Индивидуальное частное детективно-охранное предприятие. Год образования — 1994. Учредитель — бывший старший оперуполномоченный МУРа, а ныне начальник МУРа генерал-майор Грязнов Вячеслав Иванович. Директор — Грязнов Денис Андреевич.

Специализация: *охрана VIP, информационные услуги, розыск пропавших, консультационные услуги, системы охранной сигнализации и видеонаблюдения, средства радиосвязи и звукозаписи, обеспечение информационной безопасности, досмотровая и поисковая техника, выявление технических каналов утечки информации и т. п.*

Кадровый состав:

Кротов Алексей (Крот) — сыщик, специалист по агентурной работе;

Голованов Вячеслав (Головач) — руководитель группы оперативников;

Демидов Владимир (Демидыч) — оперативник;

Агеев Филипп — оперативник;

Щербак Николай — оперативник;

Макс — специалист-компьютерщик.

— Ну что, орлы, отдыхаем?

Денис Грязнов присел на краешек стола и обвел собрав-

шихся насмешливым взором.

— А что нам остается, — вздохнул Сева Голованов. — Мертвый сезон. Клиенты отдыхают, ну и мы... по мере возможности.

— Да-а уж, — в такт ему протянул Филя, невысокий, худощавый блондин с голубыми глазами. — Они проводят свое время с большей пользой, чем мы. Пальмы, солнце, море, девушки... Красота!

— Филя, хватит «пули отливать». И без тебя тошно. — Бородатый, вечно взлохмаченный Макс поскреб в затылке и грустно посмотрел себе на ладонь, словно собирался увидеть на ней клочок выпавших волос. — А там небось витамины, фрукты.

— Ну, положим, ты тоже от цинги пока не умираешь, — спокойно возразил Максу Алексей Петрович Кротов.

Кротов был полной противоположностью Максу. Вальяжный, подтянутый и элегантный. Чисто выбритое, ухоженное лицо, волосы с аккуратным проборчиком, серебрящиеся виски. Ни дать ни взять — богатый русский промышленник, долгие годы проживший на Западе, среди потомственных аристократов, и оттого приобретший благородный лоск. «Рокфеллер. Молодые годы», — как шутливо называл его Филя.

— Да при чем тут цинга, — махнул рукой Макс. — Я ж не об этом. Не хлебом единым жив человек! Скучно, собратья, скучно...

— Да уж кто бы говорил, — улыбнулся Денис, глядя в заросшее до глаз лицо компьютерного бродяги. — Тебе поставь на стол компьютер, подключенный к Интернету, так ты обо всем на свете забудешь. Тут тебе и пляж, и бананы, и много других приятных вещей.

— Эх, — вздохнул Макс, — недооцениваете вы меня, ребята. Впрочем, ничего странного в этом нет. Народ никогда не признавал художников при жизни... За редким исключением. А вообще-то... — Макс опять вздохнул, — ...обидеть художника проще, чем попытаться его понять. Поймите, собратья: без работы я теряю навык. Возьмем, к примеру, канатоходца. Если он не будет каждый день ходить по канату, в день представления он может просто испугаться выходить на арену. Или манекенщица... Если она слезет с диеты и начнет каждый день жрать гамбургеры, ей и раздеться-то на людях будет стыдно, не говоря уже о том, чтобы выйти на подиум.

— Ага, — поддакнул Филя. — Говоря иначе, лишившийся фактуры актер не отважится выйти на арену.

— Поэтично излагаешь, собрат. Артист лишившийся... э-э-э...

— Тургенев «отдыхает». Тебе романы отливать можно, а не просто «пули», — поддакнул Голованов. — Только актер выходит не на арену, а на сцену.

— Ну вот что, господа сыскари, — снова взял слово Денис. — Работы в ближайшее время вроде как не предвидится. Причина всем вам ясна — мертвый сезон. Но расстраи-

ваться по этому поводу не стоит. Я так думаю, нам всем пора хорошенько отдохнуть. От прошлого дела в кассе остался кое-какой куш. Так сказать, неприкосновенный запас. Предлагаю потратить его, как выражается Филя, с пользой для себя. Может, и Макс наконец побреется и станет хоть немного похож на человека.

— Не в этой жизни, — пробурчал Макс.

— Но есть одно «но»... — Денис постучал карандашиком по столу. — Вы готовы слушать или ваши натруженные спины уже чувствуют горячий песок пляжа, а зубы — мягкую плоть персиков и абрикосов?

— Абрикосы я и здесь могу поесть, — возразил Филипп. — Они на базаре по шестьдесят рублей килограмм.

— Предложение такое. — Денис отложил в сторону карандашик и сделал серьезное лицо. — Подождать еще недельку.

— А смысл? — тут же спросил его Макс.

— Да, действительно, Денис Андреевич, — мягко встрял в разговор элегантнейший Кротов. — Заказов нет уже недель этак...

Он задумался, подсчитывая отнятые у отдыха недели, но Денис, воспользовавшись паузой, не дал ему договорить.

— Дело обстоит следующим образом, — сказал он. — Вчера вечером мне позвонил один мой старый знакомый — Семен Семенович Моисеев. По его словам, со дня на день у нас в офисе может появиться клиент и предложить работу,

которая...

— ...Которая будет неплохо оплачена, — с надеждой договорил за него Филя.

Денис улыбнулся:

— Именно. Так что, друзья мои, я предлагаю пока не разбегаться. Найти я вас всегда смогу, благо мобильники у вас с роумингом, но вот собрать...

— Да уж, это дело сложное, — хихикнул Макс. Но тут же осекся под строгим взглядом Алексея Петровича Кротова: — Вот я и говорю — лучше сидеть дома у компьютера. И за порог не выходишь, и весь мир у тебя как на ладони. Красота!

Филя сделал глумливое лицо и уже даже раскрыл рот, чтобы сказать что-то ужасно остроумное, но не успел. В кармане у Дениса зазвонил телефон. Денис вытащил трубку и приложил ее к уху.

— Да... Вы не ошиблись. Здравствуйте... Да... Совершенно верно... Конечно... Именно этим мы и занимаемся... Чем скорей, тем лучше... М-м... Вполне. Адрес вы знаете?... Да, именно... Буду вас ждать. До свидания.

Денис убрал телефон в карман и, встретившись взглядом с Филей, улыбнулся:

— Ну вот, господин Агеев, можно считать, что все ваши волнения относительно моря и бананов позади.

— То есть? — не понял Филипп.

— А то, что в ближайшей перспективе ни бананов, ни мо-

ря, скорей всего, не предвидится. Нас ждет тяжелый, изматывающий труд.

— Ну что ж, — протянул Алексей Петрович Кротов раскатистым, хорошо поставленным баритоном. — Я думаю, это хорошая новость. Когда вы договорились встретиться?

— Сегодня, — ответил Денис, вставая со стола. — Через полтора часа.

— Может, и мои услуги в конце концов кому-нибудь понадобятся, — проворчал Макс, подергивая себя за бороду.

— Надежды юношей питают, — философски заметил Филля. — Иди пока потренируйся. А то, не дай бог, перепутаешь клавиши — и пиши пропало.

Макс насупился и сразу стал похож на обиженного домовенка, чем вызвал у присутствующих дружный смех.

Глава седьмая

— Здравствуйте, Фира Абрамовна!

Денис поднялся с кресла и двинулся навстречу женщине. Она выглядела именно так, как он ее себе представлял. Это один из тех редких случаев, когда голос и манера говорить абсолютно соответствуют внешности говорящего.

— Здравствуйте, Денис Андреевич! — Фира улыбнулась, не разжимая сухих, узких губ. — А мы с вами, оказывается, одной масти.

— Да уж, — согласился Денис. — Дети солнца.

Честно говоря, Денис и Фира Абрамовна были схожи не только рыжей мастью, но и комплекцией, и чертами лица... Оба худощавые, высокие, с длинной шеей и высоким благородным лбом. Их спокойно можно было принять за брата и сестру или за мать и сына. Вот только глаза у директора агентства и еврейской портнихи были разные. У Дениса — маленькие, юркие и любопытные, у Фиры Абрамовны — большие, чуть навывкате, и смотрели они с вызовом, с немым достоинством. Такие глаза должны быть у членов разорившейся аристократической семьи, вынужденных добывать себе хлеб насущный неблагородным, черным трудом.

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Денис указал ей на свое кресло, а сам отодвинул от стола стул и, подождав, пока усядется гостя, уселся сам. Сидеть на

стуле ему было непривычно, но общение с дамой обязывало к вежливости.

Фира обвела кабинет директора скептическим взглядом, задержалась глазами на репродукции гравюры Дюрера «Три всадника Апокалипсиса», которую Денис водрузил на стену всего неделю назад, и усмехнулась:

— А у вас тут совсем неплохо, Денис Андреевич. Вот только деревянные панели не совсем гармонируют с фрамугой, да эта картинка... — Тут она стушевалась, как будто внезапно вспомнила, где находится, и, выпрямив спину, уставилась на Дениса серьезными, холодноватыми глазами. — Извините, Денис Андреевич. Это, конечно, хамство — прямо с порога лезть со своим уставом в чужой монастырь. Но такой уж у меня характер. И боюсь, что в мои пятьдесят его уже не исправить.

В ответ Денис широко улыбнулся.

— Чувствуйте себя как дома, — сказал он дружелюбным голосом. — А что касается картинки... — Он бросил взгляд на Дюрера. — Так это своего рода символ. Понимаете, нам часто приходится заниматься грязной работенкой. Порой чувствуешь себя настолько облепленным всяким... — Денис замялся, подыскивая нужное слово.

— Дерьмом, — подсказала ему Фира, не привыкшая лезть за словом в карман.

— Чем-то в этом роде, — улыбнулся Денис. — ...А глянешь на эту картинку — и понимаешь, что у тебя еще не са-

мая худшая работа на свете.

— Ну на всадников Апокалипсиса вы мало похожи, — заметила Фира, глядя на Дениса вприщур. — Хотя то, что творится за окном, очень сильно напоминает конец света. У вас здесь можно курить?

— Пожалуйста. — Денис протянул руку и достал с полки пепельницу, которую специально держал для гостей, так как сам этого дела, что называется, на дух не переносил.

Фира вытащила из сумочки сигареты — крепкие, без фильтра — и маленькую пластиковую зажигалку. Закурила.

— А вы что же? — обратилась она к Денису.

— Спасибо, не употребляю.

Взгляд Фиры стал насмешливым.

— Интересно. Так вот какой нынче сыщик пошел. Помнится, Шерлок Холмс курил трубку, и другие известные сыщики не вынимали изо рта сигару...

— Времена меняются, — ответил Денис. — Нынче выгодно вести здоровый образ жизни. Больше приходится думать ногами, чем головой. А для этого нужно иметь крепкие ноги.

— Что ж, похвально. — Фира выпустила изо рта облако дыма и стряхнула пепел. — Ладно. К делу. Много ли вам рассказал Семен Семенович Моисеев?

— Кое-что рассказал. Например, то, что прокуратура отказалась продолжать следствие в отношении убийства вашей сестры, однако вы полны решимости продолжить расследование. Так?

— Совершенно верно. Подонок, который убил мою сестру, должен получить по заслугам. — Фира воинственно блеснула глазами. — Я знаю, что ему воздастся за грехи на небесах, но для меня невыносима мысль, что он будет наслаждаться сладкой жизнью, в то время как моя Доли лежит глубоко под землей. — Внезапно Фира сникла, превратившись из воинственной моложавой женщины в измученную старушку. — Мы... очень любили нашу маленькую Доли.

Фира Абрамовна достала из сумочки платок и промокнула глаза.

Денис задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Надеюсь, Фира Абрамовна, вы понимаете, что я ничего не могу обещать?

— Нет, — возразила Фира. — Вы мне можете обещать одно: сделать все от вас зависящее, чтобы найти убийцу. Никаких других обещаний я от вас не требую.

— Это разумный подход к делу, — кивнул Денис. — Что ж, пожалуй, мы можем принять это дело к производству. Осталось обсудить вопрос гонорара.

— С этим ни у вас, ни у нас с сестрой не будет проблем. Мы с Гитой готовы заплатить любые деньги. Понимаете... Доли была нам как дочь. Мы ведь с Гиточкой обе не замужем. Своих детей у нас нет. Мы вложили душу в воспитание нашей маленькой Доли. Теперь, после убийства Доли, — Фира Абрамовна всхлипнула, — жизнь потеряла для нас всякий смысл.

— Ну зачем же так трагично, — мягко сказал Денис. — Вам еще жить да жить.

Он ненавидел такие ситуации. Приходилось утешать. А утешитель из него был плохой. В такие вот моменты Денис всегда тушевался и ничего подходящего ему на язык не приходило. Он боялся усугубить боль человека каким-нибудь неосторожным, неправильным словом.

— Спасибо вам, молодой человек. — Фира отняла платок от глаз и спрятала его в сумочку. — Что ж, обговорим детали.

— Давайте, — с радостью согласился Денис. — Но для начала... Можно один вопрос, Фира Абрамовна?

— Валяйте, молодой человек, — разрешила Фира.

Денис сощурился.

— Скажите, почему вы обратились именно ко мне? В Москве несколько детективных агентств. И в половине из них работают друзья Семен Семеныча Моисеева.

— Да, — сказала Фира. — Это так. Но видите ли, молодой человек, в чем дело... Моисеев сказал мне, что вы не только хороший сыщик, но и... не антисемит. Я подумала, что Семе можно верить. И, как вижу, не ошиблась. — Фира растянула узкие губы в улыбку. — Поверьте мне, молодой человек, я прожила долгую жизнь и умею разбираться в людях.

Глава восьмая

Сразу после разговора с Фирой Абрамовной Гординой Денис обзвонил своих коллег, а уже час спустя все они сидели в его кабинете.

— Что на этот раз? — вяло поинтересовался Макс, которого звонок Дениса оторвал от разработки новой компьютерной программы, которую бородатый гений готовил для одной книготорговой фирмы. За солидный гонорар, естественно. — Очередная порция утешений или наклюнулось что-то стоящее?

— Ага, — резюмировал Филя. — Наш бородатый Билл Гейтс сегодня явно не в духе. Небось опять оторвали тебя от очередной халтуры? Сознавайся, стучал по клавишам в пользу конкурирующей фирмы?

Макс хмыкнул:

— Не корчи из себя суперсыщика, Филя. Тебе эта роль явно не к лицу.

— Один — один, — весело отозвался Филя. И досадливо заметил: — А еще говорят, что все компьютерные гении не от мира сего. Нашему бородатому виртуальному человеку палец в рот не клади. Одно нажатие на клавишу — и пальца как не бывало.

— Очень смешно, — ухмыльнулся Макс.

— Мужики, вы закончили? — сурово сдвинул брови Де-

нис. — У меня-то время есть, а вот у Алексея Петровича его, боюсь, в обрез.

Кротов улыбнулся, посмотрел на наручные часы и развел руками:

— К сожалению. Однако час у меня еще имеется.

— Тогда, пожалуй, приступим. — Денис откашлялся в кулак и начал: — Наверняка многие из вас слышали об убийстве в подземном переходе около двух месяцев назад.

— Это на Тверской, что ли? — поинтересовался Сева Голованов.

— Именно, — кивнул Денис. — Убили женщину. Сотрудницу радиостанции «Свободная волна» Доли Гордину.

— Кажется, что-то такое было в «Московском комсомольце», — задумчиво произнес Владимир Афанасьевич Демидов, он же Демидыч, здоровенный мужик с бычьей шеей, пудовыми кулаками и совершенно добродушным лицом.

— Да, — подтвердил Денис. — Была небольшая статейка. Называлась она «Людей в Москве отстреливают среди бела дня».

— Дурацкое название, — поморщился Голованов. — Можно подумать, в Нью-Йорке или в каком-нибудь Урюпинске людей лишают жизни исключительно ночью.

— В статье приводились разные примеры, — продолжил Денис. — В том числе и пример с убийством Доли Гординой. Однако большого резонанса сей опус не вызвал. Теперь о Гординой. По одной из версий убийство журналистки было

заказным. Хотя не исключено, что убийство было совершено с корыстной целью. Убийца выстрелил Гординой в шею прямо на ходу. И тут же скрылся в толпе. Пока милиция от здания Думы бежала к месту преступления, второй преступник обшмонал портфель Гординой, а затем также беспрепятственно растворился в воздухе. Предполагается, что второй преступник вытащил из сумочки журналистки кошелек, а может быть, и конверт с баксами...

— Стоило ли ее в таком случае убивать — вот в чем вопрос, — заметил Алексей Петрович. — Стрелять в человека среди бела дня — занятие довольно рискованное. Пусть даже в портфеле у Гординой лежала парочка миллионов долларов в акциях и ценных бумагах. Достаточно было просто стукнуть ее чем-нибудь тяжелым по голове. Результат был бы тем же. Только без таких трагических последствий. На убийство обычно идут, только если нет других способов воздействия, либо если все эти способы исчерпаны.

— Это, конечно, так, — пробасил со своего стула здоровяк Демидов. — Но с другой стороны — сейчас развелось столько отморозков, для которых убить человека все равно что сигарету выкурить...

— Как бы то ни было, — сказал Денис, — но следствие, длившееся два месяца, ни к чему не привело. Дело приостановлено в связи с нерозыском обвиняемого.

Он взъерошил ладонью свои рыжие волосы и продолжил: — Сегодня ко мне приходила сестра Доли Гординой —

Фи́ра Абрамовна Горди́на. Она хочет, чтобы наше агентство продолжило расследование.

— Оп-па! — усмехнулся Макс.

А Фи́ля, шутливо потупив глаза, робко спросил:

— И что, много башляет наша сестричка?

— В самом деле, — отозвался Сева, — пора бы уже озвучить сумму.

Денис прочистил горло и озвучил — громко, четко, чуть ли не по слогам.

Фи́ля присвистнул. А здоровяк Володя Демидов хлопнул огромными ладонями по коленям и сказал:

— Наконец-то. Полтора месяца сидим без стоящей работы...

— У кого-нибудь имеются возражения? — поинтересовался Денис, обводя коллег прищуренным, насмешливым взором. — Нет? Ну тогда заявляю вам официально: с сегодняшнего дня все мы на этом деле. Остальные дела, — Денис пристально посмотрел на Макса, — отходят на второй план.

Возражений не последовало.

Глава девятая

— Звягинцев Александр Александрович, — представился следователь, вяло пожимая Денису руку. — Можно просто Сан Саныч.

— Грязнов Денис Андреевич, — улыбнулся в ответ Денис. — Можно просто Денис.

Звягинцев отвел голову назад и прищурился.

— Похож, — заявил он после паузы. — Только повыше, посуше и помоложе. Но порода чувствуется.

— Это вы про моего дядю — Вячеслава Ивановича?

— А то. Про него. — Звягинцев нахмурился. — Генерал звонил мне. Сказал, чтоб я оказал вам максимальное содействие. Вот только толку вам от меня будет мало.

— Сан Саныч, вы проводили официальное расследование по делу об убийстве журналистки Доли Гординой. Однако...

— Однако результаты неутешительные. Нам ничего не удалось раскопать.

— Вы встречались с руководством радиостанции «Свободная волна», на которой работала Доли?

Звягинцев кисло улыбнулся и махнул рукой:

— Встречался. Только и это не принесло никакой пользы. У меня сложилось ощущение, что там не все так чисто, как им хотелось бы. Но это только ощущение.

— На чем же оно основывается?

Звягинцев пожал плечами:

— Не знаю. Слишком сладко они мне улыбались... Слишком напрягались, когда речь заходила о финансовом положении радиостанции и о делах, которыми занималась Гордина. Да и вообще, не понравились мне их лица.

— Это все?

— Все. Если не брать в расчет интуицию.

— Как продвигалось следствие?

— Вы имеете в виду — не совал ли нам кто-нибудь палки в колеса?

— Допустим.

— Нет. Не совал.

Звягинцев достал сигарету и закурил. Посмотрел на Дениса и скептически хмыкнул.

— Не знаю, может, вам что-нибудь и удастся раскопать... Вы ж все-таки работаете не за совесть, а за...

— Деньги?

Звягинцев кивнул.

— Да. За деньги. Причем, я так предполагаю, за очень неплохие деньги. А это куда больший стимул, чем почетная грамота или отметка в трудовой книжке.

— Не очень-то вы нас любите, — серьезно сказал Денис.

— А за что мне вас любить? — Звягинцев приподнял кустистые брови и выпустил в сторону Дениса струю вонючего сизого дыма. — Вы же снимаете сливки, а нам достается вся черная работа. Я не хочу вас ни в чем обвинять. На-

верное, и в вашей среде есть хорошие профессионалы. Ведь платят же вам за что-то деньги. Но ведь и мы не пальцем деланные. Будь у нас ваши возможности, ваши средства, в том числе и технические... — Звягинцев безнадежно покачал головой. — И потом, ваша контора никогда не будет заниматься зарезанной за буханку хлеба старухой или утонувшим в луже нищим. Вы идете только туда, где раздается звон золотых монет или шуршание зеленых бумажек. Вот и выходит, что уж больно мы с вами разные...

— Ну в нашей работе тоже мало приятного, — заметил Денис.

— За исключением гонораров, — сухо отрезал Звягинцев.

— Ах вот, значит, в чем дело. — Денис помрачнел. — Считать деньги в чужом кошельке не самое достойное занятие для офицера.

— А, бросьте вы. — Звягинцев махнул рукой. — Ладно. Хватит выяснять отношения. Не для того мы с вами встретились. — Он крепко затянулся и продолжил: — Единственная улика, которая у нас имеется, — это несколько волосков, оставшихся на парике, который выбросил в урну убийца. Допустим, Гордину замочил кто-то из своих... Но не могу же я прийти на «Свободную волну» и вырвать по волоску из каждой журналистской головы. За это мне самому снимут голову.

— Сан Саныч, а вы уверены, что парик принадлежал

именно убийце?

— На все сто. У нас есть свидетельские показания. Плюс — фоторобот убийцы. Сейчас я вам покажу.

Звягинцев расстегнул сумку, висевшую на плече, и достал желтый кодаковский конверт.

— Вот взгляните.

Денис вытащил из конверта две картинки. Бросил быстрый взгляд.

— Да, не густо. Про убийцу я не говорю, тут, кроме очков и гривы волос, вообще ничего нельзя разобрать, а вот второй... Слишком много характерных признаков, от которых очень легко избавиться. Кудрявая шевелюра, круглые очки, бакенбарды, тощая борода... Если все это убрать, что останется? Худощавое лицо с неопределенными чертами, вот и все.

— И я о том же говорю, — поддакнул Звягинцев.

— Ладно, — вздохнул Денис. — Ничего другого у нас все равно нет. Я это забираю?

— Да, у нас таких еще дюжина. Пользуйтесь на здоровье. Если будут подозреваемые, рвите у них волосы и тащите к нам. Мы уж как-нибудь сумеем прижать их к стенке.

— Оригинальные у вас представления о нашем агентстве. Ну да ладно. Всего доброго, Сан Саныч, и спасибо за сотрудничество. Телефон мой вы знаете, я ваш тоже. Если что — созвонимся.

— Рад был помочь, — ощерился Звягинцев. — Если, ко-

нечно, это можно назвать помощью.

Глава десятая

Стоял жаркий июльский день. Солнце палило нещадно, и к обеду кирпичные стены дачи успевали настолько прокалиться, что сидеть в комнате не было никакой возможности. Не помогали даже открытые по всему дому окна. Занавесочки, конечно, летали, но ветер, трепыхавший их, был чересчур теплым, чтобы принести хоть какое-то облегчение.

Григорий Ефимович Штейн, сорокасемилетний журналист, которому при первом взгляде ни за что нельзя было дать больше сорока, при втором — сорока семи, а при третьем — пятидесяти пяти, кряхтя и обливаясь потом, встал с дивана и, сладко потягиваясь, побрел к двери.

Это был высокий, смуглый и мускулистый человек. Глаза его блестели молодым блеском, но под ними уже наметились сизоватые мешки — свидетельство нездорового интереса, который Григорий Ефимович проявлял ко всему, что горит и повышает настроение.

Вот и сейчас, едва отошедши от сна, он первым делом двинул свои обутые в старые, мягкие мокасины ступни к заветному барчику.

— Так, что тут у нас? — спросил сам себя Григорий Ефимович, открывая дверцу бара и жмурясь от удовольствия при виде целой батареи разнокалиберных бутылок, за которыми он каждый понедельник ездил в город.

— Ага, — сказал журналист, вынимая из бара бутылку виски. — Пожалуй, это то, что надо. — Он окинул грустным взглядом содержимое бара и вздохнул: — Одним бойцом в строю стало меньше. Ну ничего, ребятки, скоро прибудет пополнение. Потерпите еще несколько дней.

С этими словами Григорий Ефимович закрыл дверцу и поплелся обратно к дивану.

— Стоп! — внезапно сказал он сам себе. — Однако для утра это, пожалуй, чересчур крепковато. — Он с сомнением посмотрел на бутылку виски, зажатую в руке, и спросил у нее: — Что будем делать, дружище?

Бутылка хранила молчание.

Григорий Ефимович задумчиво поскреб в затылке, и взгляд его прояснился — выход из затруднительной ситуации нашелся сам собой. Минуту спустя журналист уже стоял у холодильника и смешивал в стакане виски и содовую, особенно налегая на виски.

— Ну вот теперь полный порядок! — сказал себе Григорий Ефимович, но насладиться результатами своего титанического труда не успел. Где-то в недрах комнаты запиликал телефон.

Журналист поставил стакан на холодильник и отправился на поиски попискивающего злодея, приговаривая на ходу: «Черт! Куда я мог его засунуть?»

Телефон обнаружился под диваном. Как он туда попал — неизвестно.

Попыхтев и раскрасневшись, Григорий Ефимович, достал-таки из-под дивана зловердную штуковину и, нажав на кнопку, приложил ее к пылающему уху.

— Алло, — раздался в трубке мужской голос, — Григорий Ефимович, это ты?

— Допустим, — ответил журналист. — А с кем я говорю?

— Это твой старый приятель, Денис Грязнов. Помнишь такого?

— Я не знаю человека с таким именем, — отрезал журналист. — Видимо, вы ошиблись.

Он с тоской посмотрел на стакан с желтоватой жидкостью, оставленный им на холодильнике.

— Гриша, кончай валять дурака, — рявкнула трубка ему в самое ухо.

Григорий Ефимович поморщился.

— Я вешаю трубку, — сказал он. — Перезвоните как-нибудь в другой раз.

— Когда?

Журналист подумал и сказал:

— В следующем году. Пока.

— Ну что ж, — ответствовала трубка, — если ты согласен лишиться бутылочки отличного канадского виски, которую я держу в руке...

— Денис, ты, что ли?! — внезапно узнал старого приятеля журналист. — Черт возьми, сколько лет, сколько зим! Ты где скрываешься?

— Да я-то на месте. А вот тебя что-то давно не было видно на горизонте.

— Да. Извини, — сказал смиренным голосом Григорий Ефимович. — Сам понимаешь — работа. Сегодня здесь, завтра там. Замотался совсем.

Журналист вновь посмотрел на забытый стакан и тяжело вздохнул.

— Да, — сказала на это трубка. — Вижу, тяжело тебе приходится. Ну и где лучше: «здесь» или «там»?

— Нигде, — ответил Григорий Ефимович. — Помнишь, как у Бродского: «Скучно жить, мой Евгений. Куда ни странствуй — всюду жестокость и тупость...» Вот и у меня так же. Куда ни приедешь — всюду одно и то же дерьмо.

— Так, — сказал Денис. — Теперь понятно. Вижу, ты еще не успел опохмелиться. Ладно, перезвоню через пять минут. Управишься?

Григорий Ефимович оскорбленно хмыкнул:

— Ты меня неправильно понял, старик. Но кое-что я действительно сделать не успел. Жду через пять минут. Пока.

Журналист положил телефон на диван и проворчал с притворным гневом: «Ох уж эти мне сыщики. Все-то они знают».

Через пять минут, когда Григорию Ефимовичу значительно полегчало, а стакан с виски и содовой был пуст, телефон зазвонил вновь.

— Слушаю, — сказал журналист пободревшим и подоб-

ревшим голосом.

— Гриш, помнишь то дело, с которым ты ко мне обращался?

— Конечно, старина! Такое не забывается. Я очень тебе благодарен.

— А помнишь, что ты мне сказал, когда все было закончено?

— Конечно! Я сказал тебе: «Вот тебе, Денисыч, деньги. Расплатись со своими ребятами. И никого не обидь».

— А еще?

Григорий Ефимович задумался:

— Убей меня бог, Денис, но не помню.

— Ты сказал: «Вот тебе, Денисыч, деньги. Но я перед тобой в неоплатном долгу». И добавил...

— Если понадобится моя помощь — обращайся, — закончил за него журналист. — Прекрасно помню! Мог бы и не напоминать. Значит, время настало. Так я должен понимать?

— А у тебя есть возражения?

— Что ты, старина. Всегда рад помочь старому другу. Что случилось?

В трубке помолчали и вслед за тем тихий, ясный голос старого приятеля спросил:

— Ты ведь когда-то работал на радио «Свободная волна»?

Григорий Ефимович Штейн действительно был когда-то

сотрудником радиостанции «Свободная волна». Много воды утекло с тех пор, забылись былые обиды, но старый журналист до сих пор вспоминал те годы как одни из самых лучших в своей жизни. Хорошее было время, веселое.

Штаб-квартира радиостанции находилась тогда в Баварии, в славном городе Мюнхене. Эмигрировавший из Советов Гриша Штейн жил всего в нескольких кварталах от офиса, который занимала «Свободная волна». Поэтому не было ничего странного в том, что в конце концов судьба занесла его именно в эти пенаты и сделала из него профессионального журналиста-«говоруна» (как в шутку называл себя сам Штейн).

Работа на радио Григорию нравилась. Он вел передачу «Журналисты за круглым столом» и получал от этого большой кайф. По долгу службы Штейну приходилось встречаться с интересными людьми, всегда быть в курсе событий, ездить в постоянные командировки — а это было именно то, о чем сын учителя и медсестры Гриша Штейн мечтал с детства.

Однако несколько лет назад все изменилось. Может быть, пришло наконец понимание того, что не все светлые и славные на вид личности, называющие Григория другом и хлопающие его при встрече по плечу, являются такими же светлыми внутри.

Однажды утром Гриша Штейн проснулся и понял, что сволочи обитают не только где-то там, далеко за семью гра-

ницами, но и здесь — рядом с ним. И многие из этих сволочей — его давнишние друзья и коллеги. Он понял, что жизнь, которую ведут они (да и он сам), полна не романтики, как это ему представлялось до сих пор, а скорее наглого, неприкрытого скотства.

Так для старого журналиста закончилась работа на радио. Без куска хлеба он, конечно, не остался: помогли старые связи. Да и имя у него к тому времени в журналистских кругах было уже довольно громкое. Новая работа нашлась быстро, и доход она приносила ничуть не меньший, чем прежняя.

С Денисом Грязновым судьба свела Григория Штейна около двух лет назад. Дело в том, что — несмотря ни на что — журналист продолжал любить Россию. Как только рухнул «железный занавес», он тут же собрал вещи и отправился в Первопрестольную. Пока что в качестве журналиста. Побывав один раз, остановиться он уже не смог. Для человека, чья работа — события и новости, Москва была просто профессиональным раем. Здесь постоянно что-то происходило. Рушилась старая идеология, появлялись новые политические силы, власть в стране переходила из рук в руки. Наблюдать за всем этим со стороны было для Григория невыносимо. Он хотел сам участвовать в истории, быть не простым наблюдателем, а участником событий.

Со временем журналист Штейн прикупил себе в Подмосковье небольшую дачку. Зимой и осенью Григорий жил в Мюнхене, в своей собственной квартире, но весну и лето

неизменно проводил здесь — среди «березок средней полосы».

В одном из московских ресторанов, в которые Штейн навещался каждый раз, когда выезжал в город — а случалось это чаще всего по понедельникам, — Григорий познакомился с небесным созданием в лице ослепительной блондинки Наташи. После нескольких бокалов полусладкого шампанского Григорий Ефимович пригласил Наташу посетить его скромную загородную обитель. Наташа предложение приняла. Между ними завязался бурный роман.

Роман этот длился почти полгода, ровно до тех самых пор, пока у Гриши Штейна не начались неприятности на работе. Уж слишком много времени, сил и средств отдавал он своему юному небесному созданию.

Как только тучи над головой Григория Ефимовича сгустились, а его кошелек — по-прежнему не пустой — перестал трескаться от распиравших его изнутри небрежно сложенных баксов, нежное создание исчезло. Не привыкший к подобному повороту дел Штейн бросился на поиски беглянки. Тем более когда узнал, что беглянка эта, перед тем как бросить старого журналиста на произвол судьбы, прихватила с собой кое-что из его личных сбережений, отложенных на черный день, а также парочку икон восемнадцатого века, которые старый лис Штейн приобрел по случаю в одной из заброшенных смоленских деревень.

Денис Грязнов никогда не отказывался от хорошей рабо-

ты, тем более когда за нее платили хороший гонорар. Нежное создание обнаружилось на девятый день поисков. Сева Голованов мягко и ненавязчиво отшил ее нового кавалера — стокилограммового дядю с толстой бычьей шеей, обвитой золотой цепью, точь-в-точь как в сказке Пушкина про дуб. Филя же, славившийся умением быстро сходиться с людьми и педагогическими навыками, провел с девушкой воспитательную беседу. После чего смоленские иконы были возвращены их законному владельцу вместе с остатками денег, большая часть которых пошла на покрытие расходов «Глории», а также на оплату самоотверженного труда ее сотрудников.

Глава одиннадцатая

Новая встреча старых знакомых состоялась в Петровско-Разумовском парке. День был жаркий, и Штейн предложил Денису поваляться на пляже, совмещая приятное с полезным. Денис, поразмыслив, согласился. В конце концов, когда еще доведется подставить спину под теплые лучи летнего солнца и покувыркаться в прохладной, искрящейся воде.

— Ну как загар? — обратился Денис к распластавшемуся на покрывале журналисту, пожимая протянутую снизу вверх руку.

— Пристает, — с улыбкой ответил Григорий.

Он перевалился на бок, вытащил из сумки две бутылки пива. Одну оставил себе, а вторую протянул Денису:

— Угощайся, старина.

— Да нет, спасибо. У меня свое.

Денис показал Штейну пакет ананасового сока, который держал под мышкой.

Григорий хлопнул себя по лбу:

— Черт! Совсем забыл! Ты же у нас приверженец здорового образа жизни. Помнил бы, накупил бы тебе живых йогуртовых культур и полкило бифидобактерий в придачу.

— Ничего. Я как-нибудь обойдусь, — заверил старого друга Денис, вскрывая пакет с соком.

— Ты-то обойдешься, а мне что делать?

Григорий приподнял сумку и легонько ее потряхнул. Раздался тихий звон бутылок.

— Видал? Что же мне теперь, все это самому глотать? Никакого здоровья не хватит!

— Ты сам себе враг, маленький Буратино, — назидательно сказал Штейну Денис и сделал большой глоток из своего пакета. — Ах! — выдохнул он, вытирая губы рукавом толстовки. — Вкуснотища!

— Присаживайся, — пригласил его жестом Штейн. — Стоишь здесь, как тополь на Плющихе. Да, и не забудь стянуть брюки. На нас и так все оборачиваются.

Денис послушно разулся, стянул с себя брюки и толстовку и, глянув на поблескивающую невдалеке воду, махнул рукой:

— Разговоры потом. А сперва...

Он отошел немного назад и с разбегу ухнул в озеро, подняв целый сноп ослепительных брызг.

Вода была чудо как хороша.

Штейн открыл бутылку пива, приложился к горлышку и, когда бутылка опустела на треть, последовал примеру Дениса.

— Пусть сильнее грянет буря! — гаркнул он, падая на воду мускулистым животом.

Минут через десять журналист и сыщик валялись на покрывале, блаженно щурились на солнце и попивали свои напитки.

— Как поживают Филя и Сева? — улыбаясь, спросил Штейн.

— Лучше всех, — ответил Денис. — Есть, конечно, и проблемы, но эти ребята привыкли решать все свои проблемы сами.

— Это точно, — убежденно сказал журналист. — Насколько я помню, они и с чужими проблемами неплохо справлялись. Передавай им при встрече привет.

— Обязательно.

Приятели помолчали, наслаждаясь теплым солнышком.

— Ну, — вновь заговорил Штейн, тряхнув мокрыми волосами, — так что у тебя ко мне за дело, Рыжий?

Денис посмотрел на приятеля и улыбнулся:

— Ты, Гриша, сейчас больше похож на викинга, чем на борзописца. Ну да ладно.

Денис сделал серьезное лицо, сразу постарев лет на пять. Поперек высокого чистого лба пролегла глубокая морщина.

— Для начала пообещай мне, что все, что я тебе сейчас скажу, останется между нами.

Штейн провел рукой по волосам, проверяя — не высохли ли, и произнес зловещим, хриплым шепотом:

— Могила.

— Верю, — сказал Денис. — На тебя всегда можно было положиться. По крайней мере раньше.

— Люди меняются, — как бы между прочим заметил Штейн.

Денис пропустил это замечание мимо ушей.

— Дело, Гриша, обстоит следующим образом. Наша контора расследует одно загадочное убийство. Загадочное потому, что ни прокуратура, ни МУР за два месяца работы не сумели напасть на след преступника. Убитая — сотрудница радиостанции «Свободная волна», в которой ты когда-то имел честь работать.

— Тоже мне честь, — тихо пробурчал Штейн. — А про твою убитую я и так знаю. Это Доли Гордина, так?

— Так, — кивнул Денис. — С вашим братом журналистом и разговаривать неинтересно, — пожаловался он. — Все-то вы знаете.

— Ну, положим, знаем мы не все. Но кое-какие предположения, конечно, имеются.

Григорий Ефимович вытащил из сумки вторую бутылку пива и открыл ее зубами.

— Силен! — похвалил Денис.

— Зубы — единственное, что во мне осталось здорово, — грустно сообщил Штейн и тут же запил свою грусть хорошим глотком пива. После чего громко икнул и сказал: — Продолжай.

— Спасибо, — склонил голову в легком поклоне Денис. — Только продолжать-то мне пока нечего. Известно, что у Доли Гординой был острый и зловердный язычок и многие из сотрудников «Свободной волны» отзываются о ней как о сущей мегере...

— Это так, — кивнул Штейн. — С Доли лучше было не связываться. Она могла так припечатать одним словом, что потом полдня будешь себя от стенки отскребать.

— Как думаешь, это могло стать причиной ее смерти?

— Вряд ли, — пожал плечами Григорий Ефимович. — Хотя как знать, как знать... Мне-то сдается, что дело тут совсем в другом.

Заинтриговав приятеля, Штейн вновь взялся за свое пиво. Денис терпеливо ждал. Лишь когда вторая бутылка опустела, журналист отбросил ее в сторону и соблаговолил продолжить разговор.

— Видишь ли, друг мой Грязнов, в мире — извини меня за невольный каламбур — полно грязи. И порой человек не замечает, как сам, по собственной воле вляпывается в нее.

— Ты имеешь в виду вашу радиостанцию?

— Ее, — подтвердил Штейн. — Ее, родимую, и имею. Как раньше она имела всех нас. Опять-таки прости за каламбур. Так вот. Ты наверняка знаешь, что финансирование «Свободной волны» шло из кармана американского налогоплательщика. Это де-факто. А де-юре — деньги на работу волны выделял конгресс США. Деньги это были, я скажу тебе, немалые. На праведное дело борьбы со Страной Советов, на подрыв устоев советского общества конгресс никогда не жалел денег. Журналисты, выезжающие в Москву, получали огромные командировочные...

— Это что-то типа нынешних боевых, которые выплачи-

вают бойцам и журналистам в Чечне? — поинтересовался Денис.

— Ну можно и так сказать. Вот только суммы уж больно несоизмеримы. Ну ладно. Это одна сторона медали — финансовая, а была еще и другая.

Штейн потянулся за третьей бутылкой, но Денис перехватил его руку.

— Сначала дело, Гриша, — твердо сказал он.

— Ты что, моя мама? — ощерился на него Григорий Ефимович. — Да ты мне в сыновья годишься, мальчишка!

Денис пожал плечами и выпустил запястье журналиста.

— Вот так-то лучше, — усмехнулся Штейн, потирая запястье.

Он достал из сумки бутылку, вскрыл ее обычным своим способом, глянул на насупившегося Грязнова и примирительно произнес:

— Последняя, Денисич. Гадом буду.

Денис лишь пожал плечами — дескать, поступай как знаешь, что я тебе, в самом деле, мама, что ли.

— Обиделся, — констатировал Штейн. — Ладно.

Он сделал пару глотков из открытой бутылки и отставил ее в сторону.

— Продолжаем разговор, — произнес заметно повеселевший журналист. — Итак, у этого темного дела помимо чисто финансовой была еще и нравственная сторона. Покрытая завесой тайны для всех непосвященных. И сейчас я тебе эту

завесу чуть-чуть приоткрою. Ты, конечно, знаешь, что главой русской службы «Свободной волны» является господин Леонидов Юлий Семенович, а московское бюро возглавляет Зелек Шустов, ставший с недавних пор знаменитым тележурналистом.

— Я в курсе, — кивнул Денис.

— Так вот, — продолжил Штейн. — У Шустова и Леонидова весьма своеобразные представления о способах набора в штат персонала и проведения корпоративных вечеринок. Говоря короче — в конторе Леонидова процветает беспроектное пьянство, а в конторе Шустова — столь же беспроектное и ужасающее по своим масштабам блядство. Ты следишь за моей мыслью?

— Я слушаю, слушаю.

— Молодец. Итак, что же происходит в двух этих замечательных конторах? — Григорий Ефимович протянул руку к бутылке с пивом, но наткнулся на суровый взгляд Дениса и тут же отдернул руку. Во избежание эксцессов. Он тяжело вздохнул и продолжил: — Напротив конторы Леонидова имеется дивный пивной бар, где Юлий Семенович по четвергам устраивает «День открытого пьянства».

— Звучит впечатляюще.

— В жизни это впечатляет еще больше, уверяю тебя.

— А поподробней можно?

— К тому и веду, старина, к тому и веду... — Штейн вновь покосился на бутылку, но уже незаинтересованно, безо

всяких притязаний, как на произведение искусства. — В общем, на этих четвергах все сотрудники Леонидовской конторы упивались в стельку. Сам Юлий Семенович за вечер приговаривал пару бутылок «Джонни Уолкера». Это такая марка виски.

— Я в курсе, — обронил Денис.

— Вот так так! — восхитился Григорий Ефимович. — Довольно глубокие познания для непьющего. Ладно. В общем, Леонидов был знатным пьяницей и, насколько я слышал, таким он и остался. Более того, в штат он брал только тех, кто принимал участие в «Днях открытого пьянства». Тем, кто не соглашался пить, тут же указывали на дверь.

— А что, этот твой Леонидов обеспеченный человек?

Григорий Ефимович усмехнулся:

— Спрашиваешь! У него недвижимость по всей планете. Дом в Нью-Йорке, вилла на Гавайях! А ведь когда-то Леонидов был простым юрисконсультom на фабрике детской игрушки.

— Выходит, когда-то нынешний алкаш был правозащитником.

Штейн коротко хохотнул:

— Не правозащитником он был, а элементарным фарцовщиком! Ну да ладно, неважно. Это все были цветочки, а я тебе про ягодки расскажу. Про клубничку, так сказать. Дело в том, что господин Леонидов установил у себя в офисе интересное правило: каждый сотрудник должен был переспать с

каждой сотрудницей! Это блядство он называл «корпоративной дружбой»! Ну а самому Леонидову сам Бог велел переспать с каждой пишущей дамой из российской службы «Свободной волны». И поговаривают, что не только с дамой. — Григорий Ефимович криво усмехнулся. — Ну что скажешь, сыскарь?

— Скотство какое-то, — отреагировал Денис. — Что тут еще скажешь.

— Абсолютно верное определение, — поддакнул Штейн. — Причем особенно в этом, как ты выразился, скотстве отличился наш маленький Зелек Шустов. Его специализацией были молоденькие журналистки, которые жаждали работать на «Волне». Начиналось все вполне благопристойно. Скажем, приходит к Шустову студенточка-выпускница и просит: «Дядя Зелек, возьмите меня на работу». «Запросто, — отвечает Зелек. — Вот только для начала ты должна овладеть компьютером. Если ты не против, то я сам с тобой позанимаюсь. У меня как раз выдался свободный денек». Ну и начиналось. Сначала просто сидел рядом, обнимал за плечики, потом недвусмысленно намекал, а потом и...

— Дальше можешь не продолжать, — оборвал его Денис. — И так все понятно.

— Надо же, какой впечатлительный, — ухмыльнулся Григорий Ефимович. — Никогда бы не подумал. Короче, наградой девушке была высокооплачиваемая работа на модной радиостанции.

— Да-а, — протянул Денис. — Хорошая же у вас там компания.

— Почему — у нас? — обиделся Штейн. — Я там давно не работаю. Я уже и дорогу-то туда позабыл. Теперь я могу выпить глоток пива, гражданин начальник?

— Теперь можешь, — разрешил Денис.

— Вот спасибо, благодетель ты мой! — произнес Штейн гнусавым голосом, изображая юродивого.

— Все, что ты мне сейчас рассказал, аморально, но не противозаконно, — заметил Денис, глядя, как лихо журналист расправляется с бутылкой пива. — Может, есть информация поинтересней?

— Может, и есть, — кивнул Григорий Ефимович. — Правда, утверждать ничего такого не могу. Так, слышал кое-что...

— Рассказывай, — потребовал Денис.

— Да, но ведь это только слухи.

— Я же не заставляю присягать тебя на Библии. И диктофона у меня тоже нет. — Денис развел руками. — Мне его и спрятать-то некуда.

— Не знаю, не знаю, — покачал головой журналист. — От вас, рыжих, чего угодно можно ожидать. Ну да ладно. Рискну, пожалуй. В общем, слышал я, Денисич, о некой финансовой фирме, в создании которой приняли участие сотрудники «Свободной волны». Из руководящего, так сказать, состава. Леонидов, Шустов и... — Штейн сделал выразитель-

ную паузу и посмотрел на Дениса.

— Гордина? — выпалил тот.

— Она самая, — улыбнулся находчивости приятеля журналист. — Доли Гордина. Был там и еще кое-кто, но это так, разная мелюзга.

— Что за фирма?

— Очередная финансовая пирамида, созданная с целью умыкнуть у добропорядочных граждан часть их честно заработанных и быстренько смыться, имея в кармане энную сумму с шестью нулями. В долларах, разумеется.

— И что, сработало?

— А как же! В нашей стране срабатывают любые методы, кроме честных. Сам знаешь. Итак, Шустов, Леонидов, Гордина и иже с ними стали соучредителями фирмы и принялись набивать себе карманы несправедливыми деньгами. Помнишь, как это тогда делалось? Реклама по телику, всякие там Лени Голубковы, МММ и прочая лабуда. Доверчивых граждан завлекали идеей легкой наживы, сулили им большой куш. А разве против этого кто-нибудь устоит?

Григорий Ефимович философски крякнул и допил пиво с сознанием выполненного долга.

— Вот, собственно, и все, — сказал он, вытирая губы тыльной стороной ладони. — По крайней мере, из того, что известно мне.

— Как называлась эта фирма?

— Точно не помню, — Штейн задумался. — Не то «Кор-

дильеры», не то «Гималаи»... В общем, что-то, связанное с горами.

— Да-а, — протянул Денис, доставая из кармана брюк расческу. — Кому — «Гималаи», а кому — геморрой...

— Ты прав, — кивнул журналист. — Впрочем, как всегда.

— Слушай, а что за человек была Доли Гордина? Было в ней что-то примечательное, кроме злого языка?

Штейн задумался:

— Да как тебе сказать... Журналистка она, конечно, была хорошая. И как баба ничего. Такая аппетитная блондиночка.

— В протоколе осмотра написано, что у нее были каштановые волосы.

— Ну сегодня каштановые, вчера русые, — махнул рукой журналист. — Сам понимаешь — женщины! — Он вновь задумался. — Баба она, конечно, была умная. И, мягко говоря, очень практичная. Помню, как она захомутала Стивена...

— Ты имеешь в виду Стивена Кросса, директора радиостанции?

— Да. Помню, у них тогда был очень бурный роман. И все это на виду у коллег. Вся служба следила за их взаимоотношениями... Этаким мексиканский сериал, только страстей побольше! Стивен ведь был женат, имел двоих маленьких детей. Но для Доли дети и жена не помеха. Поначалу она подвизалась сделать большой репортаж для журнала «Шпигель». Что-то вроде «Русские, которые пытаются вытащить свою родину из лап большевиков». Статья была посвящена

сотрудникам радиостанции «Свободная волна» и их самоотверженной работе.

— Но при чем тут Стивен Кросс? Или он на самом деле не Стивен Кросс, а какой-нибудь Степан Крысятников?

— Ничего подобного. Он такой же русский, как я тунгус. Но Доли сумела убедить редакторов из «Шпигеля», что, прежде чем писать о команде, нужно сказать и два слова о командире. Два слова вылились в статью на целый журнальный разворот. Стивен тогда много катался по миру — должность обязывала. А Доли подвизалась сопровождать Кросса в его путешествиях. Якобы так нужно было для статьи. И в конце концов она добилась своего. После одной из таких поездок Стивен подал на развод. А спустя несколько месяцев Кросс и Доли поженились.

— Да, интересная история. Но в общем-то вполне типичная. Ты мне лучше скажи, могла твоя Доли так кому-нибудь насолить, чтобы ее за это убили?

— Как тебе сказать... — Григорий Ефимович задумчиво почесал подбородок. — Своевольная она была. Говорила в лицо, что думает, не стесняясь в выражениях. Все знали: если Доли кому-то чем-то пригрозила, она не остановится ни перед чем, чтобы воплотить свои угрозы в жизнь. Про таких, как она, обычно говорят «дамочка без тормозов». Что касается всего остального... Ну была довольно жадной, в том смысле что никогда не упустит своего... Так ведь мы все такие... Не знаю, что тебе еще о ней сказать...

— У нее были друзья или подруги? — неожиданно спросил Денис.

— Хм. Сложный вопрос. Ты знаешь, раньше никаких подруг я рядом с ней не замечал. Доли терпеть не могла женщин, считала их глупыми пустышками... Или пустыми глупышками? Что-то в этом духе. Но недавно, где-то с полгода назад, я встретил ее в «Мираже» — там была какая-то шумная презентация. Так вот в тот вечер Доли всюду ходила под ручку с молоденькой девушкой. Она представила ее как свою подругу, а с недавних пор и коллегу по работе... Кажется, ее звали Лена. А фамилия — Озерова. Хотя точно утверждать не берусь. Ну что тебе еще сказать...

Лицо Штейна изобразило напряженную работу мысли.

— Ладно, не напрягайся, — сжалился Денис. — Все, что было нужно, я от тебя услышал. Портрет получился довольно подробный. Фон ты мне тоже детально обрисовал. Попробую плясать от этого...

— Давай, давай, сыскарь, — Штейн хмыкнул. — Только смотри не споткнись. Такие танцы требуют большого мастерства.

— Если бы я не знал, что ты играешь на моей стороне, — заметил Денис, — я бы подумал, что ты мне угрожаешь.

— Что ты, — развел руками Григорий Ефимович, — разве я похож на самоубийцу?

Глава двенадцатая

Директору частного охранного предприятия «Глория» Денису Андреевичу Грязнову было тридцать лет. Он был самым младшим из сотрудников «Глории». Комплексов по этому поводу у Дениса не возникало, но порой, отдавая приказания и распоряжения своим подчиненным, он чувствовал себя довольно неуютно. Каждый из них прожил долгую, насыщенную событиями жизнь, каждый из них неоднократно рисковал своей головой, видел смерть товарищей и торжество негодяев. Это были люди, общаться с которыми Денис почитал за честь.

С Севой, Филей, Демидычем и другими оперативниками он сумел тесно сойтись и перейти на «ты». Отчасти этому способствовало то, что никто из ребят не считал себя выше и круче других. К войнам, которые остались у них за плечами, они относились спокойно. А когда кто-то брался, вспоминая их боевое прошлое, отвешивать им комплименты, они морщились, как от зубной боли, и говорили тихими, усталыми голосами: «Просто повезло» или «Так уж получилось».

Единственным членом команды, обращаясь к которому Денис продолжал говорить «вы», был Алексей Петрович Кротов. Ни внешность старого разведчика, ни его манера вести себя не содействовали возникновению особо доверительных отношений. Кротов сознательно дистанцировался

от товарищей, очертив свою личную жизнь «демаркационной линией», переступить которую не позволялось никому. Денис понимал разведчика и принимал его правила. Со своей стороны Кротов, чтобы не ставить молодого начальника в неловкое положение, обращался к нему исключительно на «вы».

С недавних пор Денис Андреевич Грязнов ездил на почти новенькой «БМВ» белого цвета, которая досталась ему по случаю и по дешевке (помогли старые связи). В первый же день, едва он подкатил на своих новых колесах к дверям агентства, его тут же окрестили «большим боссом». Прозвище держалось две недели, пока ребята не привыкли к новому средству передвижения директора «Глории».

Белая «БМВ» Грязнова-младшего остановилась возле дома номер тридцать пять по проспекту Вернадского. Следом за ней во двор въехала бежевая «восьмерка», за рулем которой восседал Филипп Агеев.

Филипп припарковал машину к бордюру, выбрался наружу и подошел к «БМВ» Дениса.

— Вот ее подъезд, — сказал Денис. — Квартира номер двенадцать. А вот, — директор достал из кармана фотографию и протянул ее Филе, — и сам объект. Оцени. На мой взгляд, девушка вполне примечательная.

Филе взял фотографию и поднес к глазам.

— Да-а, — протянул он. — Везет же некоторым.

— Это ты про что? — не понял Денис.

— Да так. Просто подумалось: наверняка же у нее есть ухажер... Ты посмотри, какие глаза! В таких глазах и уто-
нуть не грех! — Филя возвел очи долу и с выражением про-
декламировал:

Твои глаза, как чистые озера,
Где крохотные камушки на дне,
Где водорослей тонкие узоры,
Где сам я отражаюсь в глубине!

Они играют бликами живыми,
Мне радость и уверенность дара!
И, отступая, меркнут перед ними
Все в мире океаны и моря!

— Бурные, продолжительные аплодисменты! — съехид-
ничал Денис. — Никогда не думал, что ты такой лирик!

— Просто ты меня плохо знаешь, — пожаловался Фи-
ля. — Это снаружи я весь покрыт иголками, а внутри я доб-
рый, ласковый и пушистый.

— В общем, так, мой пушистый друг, сейчас я, как дирек-
тор агентства и твой непосредственный начальник, изложу
тебе суть задания.

— Валяй, — разрешил Филя. — Только без перегибов.
Не забывай, что ты еще под стол пешком ходил, когда я уже
подносил портфели девочкам.

Денис приосанился и изрек:

— Суть задания такова. Ты должен узнать об этой Елене как можно больше. Во сколько приходит, во сколько уходит, где и с кем проводит свободное время... И не вздумай к ней клеиться. Не забывай, черт возьми, что ты на работе!

— И это все? — состроил разочарованную мину Филя. — Ну хоть познакомиться-то я с ней могу?

— Запросто. Если хочешь провалить задание.

— Ладно, начальник, не кипятись. Сделаем все по высшему разряду.

Филя отошел от машины Дениса и помахал ему на прощание рукой. Денис ответил коллеге тем же.

Затем он вывернул со двора в переулок и, дождавшись зеленого света, двинул по направлению к центру. За этот участок работы он был спокоен. Филя Агеев не из тех людей, кому приходится повторять дважды. Несмотря на малый рост и хрупкое сложение, он был из тех, с кем лучше не встречаться один на один в темном переулке. Однако в отношении друзей Филя был человеком редкой доброты и отзывчивости.

Честно говоря, Денис Грязнов страшно гордился, что в его агентстве работают лучшие профессионалы, каких только можно найти. Филипп Агеев, Сева Голованов, Демидыч, Коля Щербак — все они прошли Афган и Чечню, причем служили в разведроте специального назначения. Им удалось вселить такой страх в души чеченских боевиков, что те назначили за голову каждого из «русских волков» (прозвище,

которое дали им бандиты) огромную награду — в долларах и с таким количеством нулей, какое редко кому удастся увидеть при жизни.

— Надо же, как мы дорого стоим! — восхищался Голованов. И тут же вздыхал: — Эхма! Обналичить бы процентов десять из этой суммы, я бы горя не знал...

— Для того чтобы хоть что-то обналичить, нужно сначала отнести боевикам твою красивую голову, — резонно замечал Филя. — А я думаю, что ты не захочешь с ней расставаться.

В ответ на это замечание Голованов лишь тяжело вздыхал.

Отрядив Филиппа Агеева следить за подругой Доли Гординой, Денис позвонил Кротову.

Бывший майор КГБ и подполковник внешней разведки Алексей Петрович Кротов пообещал Грязнову-младшему навести о деятельности сотрудников радио «Свободная волна» справки — по своим каналам, распространяться о которых Крот страшно не любил.

— Слушаю, — раздался в трубке бодрый, сочный баритон Алексея Петровича.

— Денис на проводе, — начал было Грязнов, но Кротов тут же его перебил.

— На проводе? — взволнованно переспросил он. — На каком проводе? Где? Назовите точное место.

— Так, — сокрушенно сказал Денис. — И вы туда же. Да что у меня сегодня за день такой! Все меня подкалывают!

Кротов рассмеялся:

— Извините, Денис Андреевич, не удержался. По-моему, шутка получилась неплохая. Впрочем, тот, кто шутит, всегда чувствует себя намного лучше того, над кем шутят. Вы на колесах.

— Да, — ответил Денис. — И как раз направляюсь к вам.

— И очень вовремя, — поддакнул Алексей Петрович. — У меня есть кое-что, что может показаться вам интересным. Адрес не забыли?

— Спасибо, на память пока не жалуюсь.

— Молодцом! Нижний код — сто шестьдесят три. Жду вас с нетерпением.

Денис убрал трубку в карман и нажал на педаль газа, надеясь проскочить очередную пробку. Однако это ему не удалось.

Глава тринадцатая

Денис припарковался на Арбате, в Оболенском переулке. Здесь, в старинном доме, ставшем после ремонта элитным, и проводил свои свободные от работы часы сыщик-ас, специалист по агентурной работе Алексей Петрович Кротов.

Денис поставил машину на сигнализацию, вошел в подъезд и поднялся на лифте на седьмой этаж. Перед тем как нажать на кнопку звонка, Грязнов-младший достал из кармана расческу и тщательно причесал свои рыжие упрямые волосы. Он знал, что всегда подтянутый и аккуратный Кротов не выносит в людях разгильдяйства и пренебрежения своей внешностью. Денис испытывал по отношению к старому разведчику большой пиетет, поэтому всегда старался соответствовать его представлениям об элегантности. Другой вопрос — насколько ему это удавалось...

Дверь открылась, и Алексей Петрович отошел в сторону, выпуская гостя в прихожую. Он был одет с белую льняную рубашку и бежевые летние брюки из легкой, почти невесомой ткани. Как всегда, тщательно выбрит и аккуратно причесан. Ни дать ни взять — английский джентльмен. Должно быть, именно так бы выглядел Шерлок Холмс, существуй он на самом деле.

— Рад вас видеть, Денис Андреевич.

— Взаимно, — кивнул Денис. — А где все ваши?

— Укатали на дачу. Я бы и сам не прочь, терпеть не могу летней Москвы: пыль, жара... Да только служба превышает всего. Пойдемте в мой кабинет. Там у меня прохладно.

Денис с хозяином прошли в кабинет. Здесь действительно было намного прохладнее, чем в других комнатах. У дивана стоял журнальный столик, а на столике — бутылка коньяка, рюмка, банка шпротов, вазочка с фруктами, пепельница, пакет апельсинового сока и длинный четырехгранный стакан.

— Знаю ваше отношение к спиртному, — улыбнулся Кротов. — Но думаю, против сока вы возражать не станете?

— Против сока я ничего не имею, — смущенно отозвался Денис.

— Ну в таком случае пропустим по одной.

Кротов наполнил свою рюмку коньяком, а стакан Грязнова-младшего — апельсиновым соком. Выпили. Пожевали шпроты и фрукты. Кротов взял со стола пачку «Парламента», вынул сигарету, откинулся на спинку дивана и закурил, жмурясь от удовольствия.

— Спасибо за теплый прием, Алексей Петрович, — поблагодарил Денис, доливая себе сока.

Кротов лишь кивнул в ответ.

— Итак, — сказал он, выпустив струю дыма, — нас интересует радиостанция «Свободная волна», а также судьба ее основных руководителей. Главным образом — история их взлетов и падений. — Он стряхнул пепел в пепельницу. — Я навел кое-какие справки, Денис Андреевич. Информация

оказалась весьма интересной.

— Я весь внимание, — заверил коллегу Грязнов.

— История вкратце такова, — начал Кротов. — Несколько лет назад сотрудники радиостанции «Свободная волна» приняли участие в создании некой фирмы, которая на деле оказалась обычной финансовой пирамидой.

Кротов глубоко и с наслаждением затянулся сигаретой. В ответ Денис плеснул себе в стакан еще одну дозу апельсинового сока. Алексей Петрович проследил за манипуляциями своего молодого начальника и усмехнулся.

— Пирамиды, — произнес Денис, облизывая губы. — Помню, была в те времена такая мода душить людям головы...

— Мне кажется, это не мода, — заметил Алексей Петрович. — Это способ существования отдельных личностей. В те годы народ у нас был достаточно наивен, чтобы клевать на такие дешевые фокусы. Поэтому и фокусников развелось немерено. Сейчас народ стал умней.

— По крайней мере, простые фокусы с людьми уже не проходят. А чтобы показывать сложные, нужен определенный талант.

— Совершенно с вами согласен, Денис Андреевич. Итак, я продолжаю. Дело происходило в Москве. Для начала руководство радиостанции обзавелось полезными связями. А именно — на должность заместителя московского бюро «Свободной волны» был принят штатный сотрудник ФСБ.

После регистрации новоиспеченной фирмы сотрудник этот стал ее официальным руководителем, а все прочие — соучредителями. В фирму были вложены немалые деньги, но авантюристы не прогадали. Она окупилась в самый короткий срок и вскоре превратилась в курицу, несущую золотые яйца. Причем в таких количествах, что за несколько месяцев сделала своих хозяев миллионерами.

— Сотрудник ФСБ действовал самостоятельно?

— Может быть, — улыбнулся Кротов. — А может быть, и нет. Сотрудники спецслужб тоже хотят жить хорошо. У них, как и у всех прочих людей, имеются семьи — жены, дети, внуки, которых нужно кормить, учить и одевать... Но это лишь догадки, уважаемый Денис Андреевич, я же привык оперировать фактами.

Денис кивнул и приложился к стакану с соком.

— К слову сказать, — продолжил Кротов, — странное поведение руководителя московского бюро Зелека Шустова дает основания считать, что он уже давно завербован спецслужбами.

— Насколько давно?

Алексей Петрович задумался:

— Скажем так, еще в те достопамятные времена, когда имели хождение такие словосочетания, как «советская разведка» и «Комитет госбезопасности».

— Ого! — изумился Денис. — Но ведь он работал на радиостанции, деятельность которой осуществлялась за счет

конгресса США!

— Совершенно верно, — сказал Алексей Петрович и улыбнулся. — Я смотрю, вы, Денис Андреевич, тоже времени даром не теряли. Что ж, выходит, что советские спецслужбы вели более хитрую игру, чем их американские коллеги.

— А говоря по-простому — Комитет госбезопасности разделал ЦРУ под орех!

— Можно и так сказать, хотя это, безусловно, было бы преувеличением. Между прочим, по некоторым данным гбэшниками был завербован не только господин Шустов, но и руководитель русской службы Юлий Семенович Леонидов.

Денис присвистнул и покачал головой:

— Надо же... Алексей Петрович, я, безусловно, доверяю вашей информации, но, убей бог, не могу понять, каким образом Шустов и Леонидов могли осуществлять заказы КГБ? Ведь их радиостанция вещала в эфир...

— Совершенно верно, мой дорогой Денис Андреевич, радиостанция вещала в эфир, но к эфиру допускались не демократически настроенные профессионалы из числа эмигрантов, не российские реформаторы, а...

Внезапно в кармане у Дениса зазвонил телефон.

Грязнов-младший извинился перед своим старшим коллегой, достал из кармана трубку и приложил ее к уху:

— Да... Да, Филя... Само собой... Интересно... Хм... Похож на Шустова... Продолжай наблюдение... Если что — звони... Да... Пока.

Денис отключил телефон и убрал в карман.

— Агеев? — спросил Алексей Петрович.

Денис кивнул:

— Филя занимается «наружкой». Только что выяснил, что подруга Доли Гординой встречается с Шустовым... В том смысле, что они...

— Любовники, — закончил фразу Кротов.

— А вы что, в курсе? — удивился Денис.

— Да. Мне удалось заглянуть в досье Зелека Шустова. Правда... — Кротов улыбнулся, — ...одним глазком.

— Эх, Алексей Петрович, что бы мы делали без ваших связей!

— Я полагаю, обзавелись бы своими, — вновь улыбнулся Кротов. — Так вот, возвращаясь к нашим баранам... В этом деле КГБ, как выразился бы наш Сева Голованов, одержал решительную победу над ЦРУ.

— Как же американцы могли так проколотся?

— Ну в КГБ тоже сидели не дураки. — Кротов стряхнул пепел. — Примером может служить ваш покорный слуга... Если отбросить ложную скромность.

— В этом я никогда не сомневался, — заверил его Денис. — Скажите, Алексей Петрович, а эта... пирамида существует до сих пор?

— Насколько я знаю, да. Правда, аппетиты ее руководства стали умереннее. Они продолжают обкрадывать наших наивных граждан, но уже не в такой грубой форме.

— Например?

— Ну раньше как было? Приносишь им пятьсот долларов, они их за месяц прокручивают и получают процентов тридцать прибыли. Десять процентов они возвращают тебе — если у тебя есть желание их забрать, остальное кладут себе в карман. Если учесть, что число вкладчиков исчислялось тысячами... можете себе представить, Денис Андреевич, какие суммы Шустов, Леонидов и иже с ними перечисляли на свои счета. Однако около двух лет назад эти господа приостановили свою деятельность. Прокрутили последние деньги, положили многомиллионную прибыль себе в карман, а вкладчикам вернули лишь то, что взяли, не дав им с прибылей ни копейки. Объяснили все котировкой акций и прочими сложными словесами, да так ловко, что граждане еще и рады остались, что получили свои деньги обратно. Таким образом, фирма не попала в банкроты и продолжила свое существование. Естественно, спецслужбы приложили все усилия, чтобы не дать скандалу просочиться на страницы газет и журналов.

— Ловко, — похвалил Денис. — Кстати, как называется фирма?

— О, название эти господа придумали очень вдохновляющее — «Гималаи».

— Это еще и повыше пирамид будет, — согласился Денис. — Высоко метили господа авантюристы. Чем же они занимаются теперь?

— Теперь, Денис Андреевич, они занимаются «реальным производством». Человек, который хочет получить баснословную прибыль, приносит в фирму деньги, а взамен получает некий белый порошок. С этим белым порошочком человек бежит домой, разводит его водой или чем там еще и ждет, пока получившаяся смесь дозреет. При этом не забывая помешивать драгоценное месиво два раза в день. Месяца через полтора, когда смесь превращается в однородную белую массу с приятным запахом, человек относит ее обратно на фирму и получает за нее деньги — сумму, которую вложил, плюс еще какие-то копейки.

— Идиотизм какой-то. На хрена им это нужно?

— Тонкий расчет. Никто не упрекнет фирму, что она занимается финансовыми махинациями. Смесь, которую наши граждане готовят на дому, используется в косметике. Вот вам и реальное производство!

— Долго они так не протянут.

— А мне кажется, что они и не собираются затягивать. В принципе это та же пирамида, только прикрывшая свой «срам» баночками с косметическим молочком. В один прекрасный день фирма объявит себя банкротом, а ее руководители исчезнут вместе с наворованными суммами в неизвестном направлении. Однако это самый грубый сценарий развития ситуации. Не исключено, что эти деятели придумают еще что-нибудь, перед чем все их прежние аферы покажутся цветочками.

Денис покачал головой, задумчиво побарабанил пальцами по столу и, встретившись глазами с Кротовым, спросил: — А что спецслужбы? Они по-прежнему оказывают фирме помощь?

— В еще большей степени, чем прежде. О такой надежной «крыше», как ФСБ, можно только мечтать. Недавно фирма «Гималаи» породила дочернее предприятие — фирму «Сокол». Насколько мне известно, в руководство «Сокола» входят бывшие сотрудники органов госбезопасности. А руководит всей этой, извините за резкое выражение, кодлой бывший полковник КГБ Владимир Владимирович Крысин. Я думаю, по этой причине вся информация, касающаяся фирмы «Сокол», держится за семью печатями.

Лицо Кротова стало виноватым.

— Как это ни прискорбно, Денис Андреевич, мне практически ничего не удалось о ней разузнать.

— Так-так-так, — задумчиво произнес Денис. — А что, фирма «Гималаи» занимается только производством косметического молочка? Как-то мелкогато для людей, награвивших миллионы...

— Вы, Денис Андреевич, как всегда, смотрите в корень, — довольно кивнул Кротов. — Группа бывших гэбистов в тесном сотрудничестве с руководством «Свободной волны», обогатившись за счет финансовой пирамиды, решила приобрести акции некоторых популярных телеканалов — главным образом НТВ. А вместе с акциями и некоторые

раскрученные телепрограммы. Таким образом они получили возможность не только опустошать карманы, но и промывать мозги российских граждан в нужном им направлении. Ведь тот, кто владеет средствами массовой информации, тот владеет умами!

— Расклад понятен, — удовлетворенно кивнул Денис.

Кротов наполнил свою рюмку коньяком, выпил, закусил шпротами и выразительно посмотрел на часы.

— Ну что ж, — сказал Денис, вставая с дивана. — Информацию вы раздобыли и в самом деле весьма и весьма полезную. По крайней мере появились какие-то зацепки. Ведь людей обычно убивают там, где крутятся большие деньги...

— И идеи, — добавил Кротов, также поднимаясь с дивана, чтобы проводить гостя до порога.

— Вы имеете в виду политику?

— Разумеется, — кивнул Кротов.

— Что ж, в любом случае теперь нам есть чем заняться. Я думаю, пора подключать старину Макса. Что-то засиделся он у нас без работы. Хватит без дела блуждать по интернетовским джунглям.

Денис и Алексей Петрович крепко пожали друг другу руки.

— Если появится новая информация, немедленно вам сообщу, — заверил своего молодого начальника Кротов.

— Буду ждать, — кивнул Денис и переступил порог квартиры.

Глава четырнадцатая

Распрощавшись с директором, Филипп Агеев достал из кармана мобильник и набрал номер домашнего телефона Елены Озеровой.

— Да, — раздался в трубке приятный женский голос.

— Елена? — спросил Филипп.

— Да, — ответила девушка. — А кто это?

— Я все знаю, — произнес Филя хриплым, зловещим голосом. — Есть люди, готовые отомстить за Доли Гордину. И скоро это произойдет.

Филипп нажал на «отбой» и спрятал телефон в карман. Первая часть плана, который они замыслили с Денисом, была выполнена. Теперь осталось ждать, когда красотка надумает покинуть квартиру, и проследить, куда она отправится.

Ждать оперативнику Агееву было не привыкать. Однажды, это было еще в Чечне, ему пришлось просидеть в засаде двенадцать часов кряду, причем без еды и питья. По сравнению с этим ожиданием все прочее было просто цветочками. К тому же сегодня Филя предусмотрительно запасся двухлитровым флаконом кока-колы и двумя бутербродами с ветчиной и сыром. Теперь можно было жить. А чтобы жить было не скучно, он взял с собой книжку романов Чейза. Хотя знал, что воспользоваться ею, скорей всего, не удастся. Слишком уж ответственным человеком был Филипп Агеев.

Однако ждать пришлось совсем недолго. Через пятнадцать минут после отъезда Грязнова-младшего дверь подъезда открылась — и на улицу выпорхнула стройная, высокая девушка с коротко стриженными темными волосами и огромными карими глазами. Елена Озерова. Она была одета в белую приталенную блузку с воротником — а-ля семидесятые — и черные расклешенные брючки.

Девушка достала из сумочки пульт, направила его на черную «мазду», стоящую у подъезда, и нажала на кнопку. Пискнула сигнализация.

— Ага, — тихо произнес Филя, — мы, кажется, куда-то собрались? Ну что ж, посмотрим к чьей кормушке прилетают такие хорошенькие птички.

Девушка села в машину. Филя поднял с сиденья так и не начатого Чейза и запихал его в бардачок. Когда черная «мазда» вывернула от подъезда и медленно двинулась в сторону выезда со двора, Филя повернул ключ зажигания.

Меньше чем через двадцать минут машина Елены Озеровой остановилась возле входа в пивной бар «Красные раки».

— Не очень-то аристократическое место, — пробубнил Филя.

Пивной бар и в самом деле как-то не ассоциировался с утонченной красавицей. Но в жизни и не такое бывает, рассудил Агеев.

Елена захлопнула дверцу машины и зацокала каблучками

по асфальту.

— Ну что ж, «раки» так «раки», — пробормотал оперативник. — Все-таки не «лягушки». И то хорошо.

Филипп выбрался из своей «восьмерки» и медленной, чинной походкой пошел к ресторану.

Едва он вошел в зал, как ему навстречу с дружелюбной улыбкой двинулся менеджер ресторана.

«Вот так сервис!» — восхитился Филя.

— Добро пожаловать! — любезно произнес менеджер, подходя к Агееву вплотную. — Сядете за столик или предпочтете бар?

— Столик, — сказал Филя.

— Пойдемте за мной, — вновь улыбнулся менеджер.

Они прошли мимо барной стойки. Филя краем глаза окинул зал. Кареглазая красотка сидела за столиком у дальней стены. Она была не одна.

— Прошу вас! — произнес менеджер сладким голосом, указывая Филиппу место. — Меню сейчас принесут.

И, одарив Филиппа еще одной лучезарной улыбкой, менеджер удалился к барной стойке.

Место, выбранное для Агеева менеджером ресторана, было отличным. Отсюда хорошо просматривался столик, за которым расположились Елена Озерова и ее компаньон.

Это был невысокий, можно даже сказать, маленький мужчина со смуглым аморфным лицом и короткими седыми волосами.

«Нос прямой, глаза маленькие, голубые, глубоко посаженные. Лицо круглое, — упражнялся в составлении словесного портрета Филипп (надо же было чем-то себя занять). — Веки набрякшие, воспаленные, — видимо, злоупотребляет алкоголем. Подбородок маленький. Когда улыбается, на щеках появляются ямочки».

Мужчина положил Елене руку на ладонь, наклонился и поцеловал красавицу в губы.

«Вот старый козел», — возмутился про себя Филипп.

Елена же не только не пресекла похотливые поползновения «старого козла», но, наоборот, обвила ему рукою шею и притянула к себе.

«Это уже ни в какие ворота не лезет, — мрачно подумал Филипп. — На хрена ей сдался этот седоухий кролик?»

Филипп достал из кармана телефон и набрал номер Дениса.

— Да.

— Денис, это Агеев.

— Да, Филя.

— Есть первый контакт. Ты готов выслушать?

— Само собой.

Филя рассказал начальнику о партнере Озеровой, дал его словесное описание и пожаловался на плохое поведение своей подопечной.

— Похож на Шустова, — сказал Денис, выслушав Филиппа. — Продолжай наблюдение.

Филя нажал на «отбой» и убрал телефон в карман.

Продолжая краем глаза наблюдать за Озеровой и старым подонком, оказавшимся Зелеком Шустовым, Агеев раскрыл меню и, едва пробежав по нему взглядом, тут же подозвал официанта.

— Чашечку кофе со сливками, два круассана и фруктовое желе, — заказал он.

В этот момент в зал ресторана вошел высокий, полный мужчина со светлыми волосами, аккуратно зачесанными набок и небольшой бородкой-эспаньолкой. Не задерживаясь в проходе, человек двинулся к столику, за которым сидели Озерова и Шустов.

Шустов приподнялся со стула и протянул незнакомцу руку. Рукопожатие было теплым.

«Похоже, они старые друзья», — предположил Филя.

Незнакомец наклонился к Озеровой и поцеловал ее в щеку.

«И этот туда же, — прокомментировал поцелуй оперативник. — Надеюсь, это последний?»

Мужчина уселся за столик. Через несколько секунд официант уже стоял возле него с подобострастной улыбкой.

«Постоянный клиент, — догадался Филя. — Хорошенькое же место они выбрали для своих тусовок. Впрочем, — он оглядел зал и пожал плечами, — о вкусах не спорят».

— Ваш кофе, — раздалось над самым ухом у Фили.

Официант выставил на стол кофе, тарелочку с круассана-

ми и стеклянную вазочку с фруктовым желе, которое оперативник Филипп Агеев уважал с детства.

— Приятного аппетита, — пожелал Филе официант.

Глава пятнадцатая

Макс сидел перед мерцающим экраном компьютера, откинувшись на спинку стула, и задумчиво пощипывал свою густую бороду.

Рядом с компьютерным гением стоял Денис Грязнов. Лицо его было сосредоточенно, глаза хитро поблескивали.

— Ну, — тихо произнес он, — что скажешь?

— Что скажу? — переспросил Макс, потирая лохматые щеки. — Скажу, что в мире нет ничего невыполнимого. Стоит только захотеть! Но...

Он посмотрел на начальника снизу вверх и с сомнением покачал головой.

— Проблемы? — спросил компьютерщика Денис.

— Главная проблема — сроки. Это может потребовать больше времени, чем мы предполагаем.

Денис пожал плечами:

— Ну время... Это ведь от тебя не зависит. Поэтому нечего и говорить. Просто делай свою работу. Получится — хорошо, не получится... Что ж, попробуем подойти к делу с другого боку.

— Ну сбрасывать меня раньше времени со счетов тоже не стоит, — обиделся Макс. — Все-таки я в этом деле не новичок.

Денис улыбнулся:

— Я об этом и говорю. Будь ты желторотым новичком, я бы не обратился с этим к тебе. Нашел бы какого-нибудь хакера со стороны — профессионалов сейчас хватает...

— Ага, — ухмыльнулся Макс. — Этот чудо-профессионал со стороны запросил бы такую сумму, что тебе пришлось бы продать свою чудесную «бэху» цвета свежего парного молока. Да и то бы не расплатился.

— Полагаю, ты-то не станешь лишать меня моего любимого средства передвижения?

— Э-эх, — вздохнул Макс. — Добрый я. Пользуются мною все кому не лень, а я и слова сказать не могу. Ладно. Задание принято. Я за это берусь. А теперь, гражданин начальник, покиньте помещение, не мешайте гению работать.

Денис улыбнулся:

— Что вы, что вы. Разве ж я посмею. Работайте на здоровье, господин Гейтс. Когда разбогатеете — дайте знать: приду за комиссионными.

Макс пренебрежительно фыркнул и уткнулся в экран компьютера, давая понять, что разговор окончен.

Задание, которое Денис поручил Макс, отличалось особой сложностью. Вообще-то к работе хакера бородатому компьютерщику было не привыкать. Ему и раньше случалось взламывать системы нечистых на руку фирм. Однако этот случай был особенный, поскольку Макс приходилось иметь дело со спецслужбами, а он по собственному опыту знал, что в органах работают лучшие компьютерщики страны.

Сразиться с ними было интересно, а победить — лестно и почетно. Макс не отличался тщеславием, но лишь в тех случаях, когда речь не шла о компьютерах, программах и обо всем, что с ними связано. Стоило при бородатом волшебнике произнести словосочетание «база данных» или «взлом», как он тут же приходил в возбуждение и рвался в бой.

Так было и на этот раз. Едва Денис переступил порог кабинета Макса и произнес: «Есть работа», Макс подскочил на стуле. Когда он добавил, что работа эта для хорошего взломщика, глаза у Макса загорелись. А стоило бородачу услышать, что задача будет сложной, поскольку над объектом трудились сотрудники спецслужб, как он тут же хлопнул пальцем по какой-то клавише и заявил Денису:

— Оставь свои страшилки для малыша Фили. Давай о деле.

И Денис рассказал Максу о радиостанции «Свободная волна», фирме «Гималаи», а также о ее таинственном подразделении с героическим названием «Сокол».

— Вот тебе их адреса в сети, — сказал Денис, протягивая Максу конверт. — А также дискета, которую раздобыл Кротов. Здесь кое-какая информация, а также небольшая программка, разработанная специалистами Генштаба. По мнению Кротова, она здорово тебе поможет.

— «По мнению Кротова», — передразнил упрямый бородач. — Да кто он такой, этот Кротов, чтобы высказывать свое мнение по столь щепетильному вопросу? Пусть лучше

копается в своих бумажных досье, а судить о компьютерной программе доверит настоящему профессионалу!

С этими словами Макс вырвал из руки Дениса дискету и, сохраняя на лице сурово-неприступное выражение, вставил ее в дисковод. Быстро пробежал пальцами по клавиатуре.

На экране монитора зажглись какие-то таинственные знаки. Макс всем телом подался вперед. Еще несколько нажатий на клавиши.

— Ого! — воскликнул бородач. — Вот это да! Я смотрю, ребятишки из Генштаба знают свое дело.

Макс повернулся к Денису. От суровости его не осталось и следа. Лицо сияло, глаза возбужденно блестели.

— Ну спасибо тебе, начальник. О такой программе можно было только мечтать! Теперь мы твоих домотканых аферистов накроем в два счета. Отправляйся по своим делам, Денис Андреевич, и ни о чем не беспокойся. Когда будут первые результаты, я дам тебе знать.

— И как скоро это случится?

Макс пожал плечами.

— Точной даты назвать не могу, времени — тем более. Но думаю, что работа займет не больше двух дней. То, что ты мне принес, — Макс ткнул толстым пальцем в дисковод, — это универсальный ключ. Что-то вроде отмычки. Простой замок эта отмычка вскрыет на раз-два-три. Если замок сложный — придется немного пошевелить извилинами.

— Ладно, — кивнул Денис. — Считай, что я тебе поверил.

Хакер со стороны отменяется. Только не работай на износ, делай перерывы. И, старина, пей поменьше кофе. У тебя вон уже пальцы трясутся.

— Это от предвкушения, — заверил начальника Макс.
И улыбнулся в лохматую бороду.

Глава шестнадцатая

Елене Дмитриевне Озеровой было двадцать пять лет. Она выросла в бедной семье. Бедной даже по советским меркам. Папа Лены был простым слесарем. Этакая здоровенная, вечно небритая орясина с красными глазами и скрипучим голосом, которым он пользовался исключительно для того, чтобы покрывать отборным трехэтажным матом соседей да покрикивать на мать.

«Есть чего-нибудь дома пожрать?» «Куда это ты, мать твою, так вырядилась?» «Ты у меня, паскуда маленькая, узнаешь, как двойки домой приносить». Папин голос настолько прочно въелся в память маленькой Лены, что даже сейчас, спустя десять лет после его смерти, она втягивала голову в плечи каждый раз, когда слышала беседу двух работяг — будь то строители, ремонтники или грузчики, — обильно перемежаемую матом.

Мать Лены была тихой, молчаливой женщиной с рано поседевшими висками. Она терпеливо сносила все попреки, а порой и побои мужа и за восемнадцать лет семейной жизни ни разу не попыталась ему прекословить.

Закончив школу, Лена Озерова покинула свой родной Омск и отправилась в далекую Москву поступать в университет. Первая попытка оказалась неудачной. Вернувшись в Омск, Лена устроилась работать нянечкой в детский сад.

Свою первую заметку юная журналистка посвятила родному детсаду. Она написала о такой язве современного общества, как воровство в столовых, и попыталась по мере сил эту язву вскрыть.

Статью опубликовали в местной газете, а затем перепечатали и в областной. Лена Озерова тут же стала местной знаменитостью, что не помешало директору детского сада уволить ее с работы «в связи с профнепригодностью».

«Не переживай, доченька, — говорила рыдающей Лене мать. — Ты еще выбьешься в люди. Я верю в тебя».

Следующим летом Елена поступила-таки на журфак МГУ, сдав все экзамены на «отлично».

Два года назад она закончила университет. Еще на третьем курсе научный руководитель Лены — Сергей Петрович Дзикевич, предложил ей пройти стажировку на радиостанции «Свободная волна». Там у него были знакомые. Лена, само собой, согласилась, решив, что судьба посылает ей неплохой шанс выбиться в люди.

Увидев в коридоре редакции изящную, большеглазую девушку и узнав о цели ее визита, Зелек Шустов сам решил провести с Леной собеседование.

Они сидели в большом, уютном кабинете Шустова и пили коньяк. Шустов был настойчив, и Лена не посмела отказать, хотя с детства не переносила спиртного.

— Если вам, Леночка, удастся у нас закрепиться, перед вами откроются необозримые перспективы, — напевал на

уху захмелевшей Лене седовласый Зелек Шустов. — Нам нужны хорошие журналисты, а тем более с дипломом МГУ. Начнете с коротеньких репортажей, со временем станете радиоведущей... Как знать, может быть, у вас появятся какие-нибудь свежие идеи. А уж я-то, поверьте моему слову, сделаю все, чтобы помочь вам их реализовать.

Силясь справиться с головокружением, Лена лишь улыбалась и кивала головой. Она даже не заметила, как рука Шустова оказалась у нее под юбкой, а заметив, не издала ни звука, только закрыла глаза и стиснула зубы.

Шустов сдержал свое обещание. После окончания университета Лена пошла работать на радио, и уже спустя три недели ее зачислили в штат «Свободной волны» на должность репортера. Шустов снял ей просторную двухкомнатную квартиру, в которую навещался раз или два в неделю с бутылкой хорошего коньяка и экзотическими морскими закусками. Он любил закусывать коньяк креветками или мидиями, обильно политыми лимонным соком. Лене ничего не оставалось, как перестроить свои собственные вкусы в угоду начальнику и благодетелю.

Год назад она стала радиоведущей. Программа называлась «Русский олимп». В студии Лены перебивали почти все российские знаменитости: актеры, музыканты, спортсмены, политики... Богатые и знаменитые мужчины, едва звучал сигнал к окончанию передачи, назначали Лене свидания. И пару раз она ответила на эти приглашения согласием. Со

всеми вытекающими отсюда последствиями, среди которых особо выделялась маленькая загородная вилла, которую в благодарность за доставленное удовольствие Лене подарил один популярный певец. Поначалу Лена долго отказывалась от столь дорогого подарка, но чернокудрый красавец был настойчив, и в конце концов Лена сказала «да».

Шустов смотрел на Ленины «проказы» сквозь пальцы. Озерова была не единственной его пассией и прекрасно об этом знала. Между Леной и Шустовым установилось негласное соглашение — я не лезу в твои дела, ты не вмешиваешься в мои. Такой подход к жизни устраивал обоих.

Глава семнадцатая

Филя Агеев доедал второй круассан и с вождением поглядывал на фруктовое желе, когда высокий блондин с ухоженной бородкой поднялся из-за столика и направился к туалету.

Филя отложил круассан, вытер салфеткой рот и быстро направился туда же, куда и блондин.

Туалет блистал белоснежным кафелем. Филя постоял в ожидании своего клиента у зеркала, помыл руки, плеснул на лицо пригоршню холодной воды. В урне возле раковины он увидел кусок желтой банановой шкурки. Поразмыслив секунду, Филя вынул шкурку из урны и бросил ее на пол поближе к себе. Вновь помыл руки.

Наконец из кабинки послышался звук спускаемой воды и вслед за тем — тяжелые шаги.

Как только грузный великан подошел к раковине, Филя закрутил кран, откинул со лба волосы и, неуклюже повернувшись, наступил на банановую шкурку. Взмахнув руками и громко вскрикнув, Филя всей массой повалился на блондина.

— Твою мать! — выругался тот. — Смотрите, куда идете!

— Извините, ради бога, — жалобно проблеял Филя. — Споткнулся. Понабросали тут банановой кожуры, будь она неладна! Простите еще раз.

Филя сделал попытку отряхнуть блондину лацкан пиджака, но тот с брезгливой гримасой отклонился.

— Ладно, ладно, — примирительно сказал блондин. — Всякое бывает. Извините, что накричал.

— Ничего. Я заслужил.

Как только обмен любезностями был закончен, Филя вышел из туалета, подошел к барной стойке и попросил счет. Расплатившись, он с тоской взглянул на свой столик, на котором стояла вазочка с так и не тронутым фруктовым желе, и, вздохнув, направился к выходу.

Покинув ресторан, Филя быстро забрался в машину, вставил в ухо наушник и щелкнул тумблером передатчика.

— ...Такой бледный? — услышал Филя окончание чьей-то фразы. — Случилось что?

— Да какой-то кретин налетел на меня в туалете.

— В каком смысле — налетел?

— Поскользнулся на банановой кожуре.

— Ох, Олежка, — вздохнул собеседник блондина, — не нравятся мне такие совпадения.

— Брось, старик. Я же жив.

Послышался смех.

— Шутки шутками, — произнес сердитый женский голос, — но мне и в самом деле страшно. Вы собираетесь что-нибудь предпринимать?

— Золотце мое, — ласково сказал Шустов (голос не принадлежал ни блондину, ни Елене), — не беспокойся ни о чем.

Это была просто чья-то глупая шутка. Но на всякий случай мы все проверим. Даю тебе честное слово.

— Да уж, — насмешливо отозвалась Елена. — Давать обещания ты всегда был горазд.

— А разве я их не выполнял? Расслабься, зая. Тебе ничто не грозит.

— Скажи мне правду, Зелек, вы с Олегом имеете какое-то отношение к тому, что случилось с Доли?

Повисла пауза. Вслед за тем раздался короткий смешок, и голос блондина произнес:

— Это уже похоже на бред.

— Золотце мое, — медленно сказал Шустов, — ты прекрасно знаешь, что мы с Доли были не только коллегами, но и близкими друзьями. Разве я похож на тупого ублюдка, который на глазах у десятков людей убивает собственного друга, чтобы вытащить у него из кармана кошелек?

— Откуда мне знать, что между вами было? Уж меня-то вы посвящали в свои тайны в последнюю очередь.

— Глупости, — отрезал Шустов. — Еще раз даю тебе слово: ни я, ни Олег не имеем никакого отношения к смерти Доли. И давай закончим на этом.

Раздался шорох, вслед за тем голос блондина взволнованно произнес:

— Стоп.

— Что такое? — спросил Шустов.

Голос в наушнике у Фили зазвучал громче.

— Что это за зажигалка?

— Ты о чем?

— А о том, друг мой Зелек, что в кармане моего пиджака лежала зажигалка, которую я туда не клал.

— Олежка, прости меня, но ты становишься похожим на параноика. Какого черта кому-то класть тебе в карман зажигалку?

— Вот и я об этом.

Снова шорохи. Вслед за тем раздраженный, сердитый голос Шустова:

— Хватит накручивать. Если тебе не нравится эта зажигалка, подари ее официанту, и дело с концом... Вон он как раз сюда идет.

— Саша, принеси-ка нам, пожалуйста, счет... Да, и вот еще что... На-ка вот, держи... Это тебе... За хорошую работу...

— Что вы, дядя Зелек, не стоит...

— Бери, бери, Сашок. И не беспокойся — чаевых этот подарок не исключает.

— Большое спасибо.

Раздался звук шагов и звон посуды. Вслед за тем молодой злой голос тихо произнес:

— Вот ведь скупая сволочь! Засунь себе этот подарок в жопу, мой дорогой дядя Зелек.

В ухе у Фили так гроыхнуло, что он подпрыгнул на сиденье автомобиля. Быстро вынул из уха наушник и забросил

его в бардачок.

— Надо же, какой гордый, — посетовал Филя, потирая ухо. — Между прочим, зажигалочка, которую ты только что растоптал, стоит больше, чем ты вместе с потрохами... — Филя поморщился. — Да и с твоим чертовым подносом.

Филя достал телефон и позвонил Денису:

— Алло, Денисич?.. Как это — зачем спрашиваю? А вдруг ты потерял телефон и он сейчас звонит в кармане у какого-нибудь бомжа... Да... Вот так прямо возьму и выболтаю ему все наши тайны... Ладно... В общем, диспозиция изменилась. Теперь их трое. Третий — высокий, толстый блондин с маленькой бородкой и интеллигентным лицом. Зовут Олег. Фамилию выяснить не удалось... Что? «Жучок»?.. Нет, «жучок» тю-тю... Ну как сказать... Кое-что выяснить, конечно, удалось, хотя... Да ладно тебе, скупердяй. Вычтешь из моей зарплаты... Сам такой... Короче, наши ребятки чего-то боятся. Белобрысого так просто бьет мандраж. У Шустова тоже очко поигрывает, только он себе в этом не признается... Нет. Девушка, судя по всему, здесь ни при чем... Хорошо. Блондин так блондин... Продолжаю наблюдение. Привет Максу.

Возвращаться в ресторан не имело смысла, и Филя решил ждать. «Долго это продолжаться не может, — рассудил Филя. — Они уже все обсудили. Осталось только скушать парочку красных раков и выпить несколько бокалов пива». Однако ждать оперативнику пришлось не меньше получаса.

Наконец троица вышла из ресторана и направилась на стоянку.

— Приятного вечера, Зелек, — улыбнулся блондин, останавливаясь возле вишневой «вольво» и пожимая Шустову руку.

От Фили не скрылось, что улыбка эта была чересчур напряженной. Похоже, Шустов это тоже заметил.

— Всего доброго, дорогой мой Олежек Сац, — сказал он с легкой усмешкой. И, как говорит уголовный элемент, не морщи попу и не ссы в пробирку. Все будет хорошо.

Стоявшая рядом Елена поморщилась.

«Сладкая троица», как мысленно обозвал их Филипп, стояла в каких-нибудь десяти шагах от «девятки» Агеева. Если б не тонированные стекла, дело могло окончиться швахом. «Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу», — пошутил над собой Филипп.

Церемонно чмокнув блондина в щечку, Озерова села в свою «мазду». Шустов забрался в кремовую «ауди». Поехали они в одном направлении: впереди Елена, за ней — ее седовласый друг.

Высокий блондин задумчиво посмотрел им вслед, немного постоял, достал из кармана сигарету и закурил, прошел ко входу в ресторан, остановился, посмотрел на небо и вздохнул.

Наконец подозрительному блондину по имени Олег надоело считать ворон. Он повернулся в сторону стоянки и мах-

нул рукой. Вишневая «вольво» с тонированными стеклами, припаркованная рядом с «девяткой» Фили, медленно выехала со стоянки и остановилась перед блондином. Он открыл заднюю дверцу и неуклюже забрался внутрь.

«Вольво» отчалила. Агеев последовал за ней. По пути он вынул из кармана телефон и позвонил Денису.

— Шеф, блондина зовут Олег Сац. Возможно, это кличка. Продолжаю наблюдение. До скорого.

Минут через двадцать «вольво» свернула на тихую улочку и вскоре въехала в темный переулок. «Что-то тут не так», — подумал Филя и повернул за ней. Внезапно дорогу ему преградила легковая машина. Филя едва успел вдарить по тормозам, чтобы избежать столкновения. Тряхнув головой, чтобы прояснить мозги, он глянул в зеркало заднего вида и чертыхнулся. Обратного хода не было: прямо у въезда в переулок стоял микроавтобус. Хлопнули дверцы легковушки, и к машине Фили неспешной походкой направились трое мужчин. В руках у одного из них он увидел дубинку.

Глава восемнадцатая

— Олег Сац, — сказал Денис, — как мы и предполагали. Алексей Петрович Кротов посмотрел на кончик тлеющей сигареты и кивнул.

— Глава финансового холдинга «Гималаи». Не знаю, хорошо это или плохо, но клиенты засуетились. Теперь они начнут действовать. Так как действовать нашим голубчикам придется в спешке, они где-нибудь да проколются.

— Думаете, они восприняли Филину угрозу всерьез?

Кротов откинулся на спинку стула и закинул ногу на ногу.

— Видите ли, Денис Андреевич, я внимательно просмотрел досье Шустова и имею представление, что это за птица.

— Паникер? — полюбопытствовал Денис.

Кротов отрицательно покачал головой:

— Отнюдь. Шустов крепкий орешек. И к тому же хитер как лис.

Алексей Петрович задумчиво потер фильтром сигареты переносицу и медленно произнес:

— Беспокоюсь я за Филю, Денис Андреевич. Как бы он не напортачил.

— Филипп — опытный сыскарь, — заверил Кротова Грязнов. — Он не даст обвести себя вокруг пальца.

Кротов внимательно посмотрел на Дениса:

— Эх, мне бы вашу уверенность, Денис Андреевич. Зе-

лек Шустов обвел вокруг пальца ЦРУ и наш Комитет госбезопасности. Он получал деньги и от тех, и от этих. Причем имел дело с самым публичным бизнесом — со средствами массовой информации. А согласитесь, это о многом говорит.

Денис в своей обычной манере побарабанил пальцами по столу, затем взъерошил ладонью рыжие лохмы и наконец сказал:

— Вы знаете, Алексей Петрович, есть в вашем лице что-то такое, что вселяет в сердца людей неуверенность.

С этими словами Денис достал из кармана телефон и набрал номер Филиппа Агеева. В трубке раздались длинные гудки. Один, другой, третий... На пятом трубку взяли, и глуховатый мужской голос тихо произнес:

— Да.

— Витек, это ты? — спросил Денис, стараясь говорить как можно раскованней.

— Да, — произнесли на том конце провода.

Денис нажал на «отбой». Мрачно посмотрел на Алексея Петровича.

— Что случилось? — спросил Кротов.

Рука с зажатой в пальцах сигаретой замерла у его рта.

— Филю взяли, — коротко ответил Денис.

Трое мужчин медленно подходили к машине. Агеев засунул руку под мышку, вынул из наплечной кобуры пистолет и тихонько приотворил дверцу.

Один из мужчин, тот, что был с дубинкой, обошел машину сзади. Другой остановился рядом с дверцей водителя и поднял пистолет.

Филя что было сил вдарил ногами по дверце. Мужчина, сбитый с ног, отлетел в сторону. В ту же секунду Филя выскочил из машины и кинулся на землю. Коснувшись плечом земли, он тут же развернулся и выставил перед собой пистолет.

Что-то сверкнуло перед глазами у Фили, и в следующее мгновение его сознание погрузилось в темноту. Сквозь вату в ушах он слышал какие-то голоса, звучащие глухо и отдаленно, словно говорившие находились в сотнях метрах от него. Потом смолкли и они.

Очнулся Филипп от дьявольской боли в затылке. Он попробовал приложить к затылку руку, но не смог. Его руки были стянуты за спиной и связаны чем-то жестким. Филя попробовал пошевелить пальцами, но не почувствовал их. Лишь сильная ноющая боль в запястьях...

Оперативник с трудом разлепил веки — вокруг была тьма. Пол под ним подрагивал, в ушах стоял непрерывный гул. Наконец он сообразил, в чем дело. Его оглушили, связали и бросили в багажник.

«Главное — не паниковать, — приказал себе Филя. — Безвыходных ситуаций не существует».

Филя закрыл глаза и мысленно досчитал до десяти. Это помогло ему успокоиться. Затем он еще раз попробовал по-

шевелить руками. Запястья были стянуты туго, развязать, пожалуй, не получится. Но кто не пытается, у того не получается, и Филя, морщась и постанывая от боли, начал действовать.

Прежде всего он поджал под себя ноги и попробовал перекинуть через них связанные сзади руки. С пятой попытки ему это удалось. Филя немного передохнул, восстанавливая дыхание и успокаиваясь. Он поблагодарил Бога за свой небольшой рост, а судьбу за то, что послала ему большую машину с вместительным багажником. «Демидыч здесь и рукой шевельнуть не смог бы», — подумал Филя, вспоминая габариты друга.

Отдохнув, он поднес руки к лицу и попытался ослабить узлы зубами. Прошло не меньше двадцати минут, прежде чем ему это удалось. Отдыхая, принялся двигать пальцами — сжимать, разжимать... В конце концов чувствительность вернулась.

Филя снова взялся было за узлы, но тут машина остановилась.

Раздались шаги, голоса... Крышка багажника открылась, и Филя зажмурился от ударившего в глаза света, хотя он был электрическим и тусклым.

— Ого! — воскликнул один из недругов. — Да он перевернулся! Посмотри-ка, Чалый! И рожа в крови — небось пытался перекусить узлы зубами.

— Похоже, у нас в багажнике гуттаперчевый мальчик, —

отозвался второй голос, более низкий и хриплый. — Доставай его. Посмотрим, какой он гибкий.

Крепкие руки подхватили Филю за плечи и выволокли из багажника. Не успел он привыкнуть к свету, как кто-то нахлобучил ему на голову вязаную шапку, и Филя вновь погрузился во тьму.

— Оттащи его подальше от машины, — приказал хриплый голос. — Не дай бог, заляпает кровью, шеф мне потом голову отвернет.

Те же крепкие руки схватили Филю за шиворот и поволокли по холодному цементному полу. Оттащили метров на десять. Судя по тому, что Филя успел заметить, они находились в большом гараже. А гараж где-нибудь на окраине города. Кричи не кричи — никто не услышит.

— Ну что, малыш, — услышал он над самым ухом, — жить хочешь?

Филя разлепил разбитые губы и тихо произнес:

— Да пошел ты...

Бандиты засмеялись.

— Надо же, — удивился хриплый. — Он еще и грубит. Поучи-ка его, Лом.

Удар ногой под дых едва не вышиб из оперативника дух. После второго удара он почувствовал, как хрустнуло ребро. Острая боль пронзила всю грудь.

— Лом, ты что, охренел! Мать твою, я ж просил только поучить, а не калечить!

— Да ладно тебе. Ребром больше, ребром меньше... Говорить-то он еще может, а это главное.

Бандит склонился над Филей. Горячее, зловонное дыхание обдало ему лицо.

— Ну что, брат, — ласково обратился к нему бандит, — будешь говорить? Или опять начнешь ругаться?

— Не о чем мне с тобой говорить, урод... — злобно прошипел Филя.

Бандит хохотнул.

— Слышь, Чалый, — обратился он к своему подельщику, — этот прыщ обозвал меня уродом.

— Наверное, шапку ты ему надвинул на глаза дырявую, — насмешливо отозвался Чалый. — Вот он и видит.

Бандит, названный Ломом, хмыкнул:

— Видит, говоришь? Ну что ж, придется выколоть ему глаз. Слышь, малыш, сейчас я выколю тебе глаз. Пока что один. Но если ты и дальше будешь продолжать грубить — я тебя вообще лишу зрения. Всосал?

Филя ответил ему четырехэтажным матом.

Слов больше не было. Удары посыпались со всех сторон.

Глава девятнадцатая

— Есть, — сказал Макс. — Я его запеленговал. Если судить по мобильнику, он сейчас на Северо-Западе. Примерно вот в этой точке.

Макс ткнул толстым пальцем в пульсирующую световую точку на экране монитора.

— Ты остаешься здесь, — распорядился Денис. — Будешь корректировать нас по телефону. Демидов, Голованов и я отправляемся на поиски Агеева. — Денис стиснул зубы. — Попробуй установить более точные координаты.

Макс кивнул.

Денис быстрыми шагами направился к двери. Володя Демидов последовал за ним.

Сева Голованов на секунду задержался. Он положил на плечо Максу свою широкую, крепкую ладонь и тихо произнес:

— Я на тебя надеюсь, брат.

— Сделаю все, что от меня зависит, — сказал бородатый Макс, стараясь, чтобы голос его звучал как можно спокойнее.

Голованов кивнул и отправился догонять ребят.

Макс пробежал пальцами по клавишам. Несмотря на внешнюю грубость и неотесанность, он был очень мягок и чуток. Мягок до сентиментальности.

«Не раскисай, — сказал себе Макс, часто-часто моргая, чтобы не дать набежавшим на глаза слезам вырваться наружу. — Ребята сделают все, чтобы его найти. На них можно положиться».

На них действительно можно было положиться. Трое крепких мужчин скользнули в белую «БМВ». Мягко завелся мотор. Демидыч высунул в окошко руку, прилепил к крыше мигалку, и машина, выскочив из двора, понеслась по шоссе, выжимая предельно допустимую скорость.

— Ну что, малыш, ты готов к беседе?

Филя промолчал.

— Тогда, пожалуй, начнем. Для начала скажи-ка нам, друг любезный, кто ты такой и за кем следишь.

— Кто я такой — не твое собачье дело, — ответил Филя. — Сначала скажи, кто вы такие и какого черта меня сюда приволокли.

— Надо же, какой непонятливый, — усмехнулся бандит. — Мы тебе, малыш, не враги. Хотя и не друзья. Если ты будешь пайнкой и ответишь на наши вопросы, мы тебя тут же отпустим на все четыре стороны. Если нет — пеняй на себя. Глаза я тебе выколю, как и обещал, но это будет не самое страшное, что тебя ожидает.

— Да что вам от меня надо-то? — рявкнул в сердцах Филя.

— Молодец, понял, — констатировал бандит. — Слушай

сюда. Сегодня в баре «Красные раки» ты следил за одним нашим добрым другом. В туалете ты, гнида паршивая, засу-нул ему в карман «жучок». Я все сказал. Теперь говори ты.

— Господи, — простонал Филя, — да нечего мне вам говорить... Обознались вы... Я был в баре «Красные раки», но ни за кем не следил. Просто зашел перекусить.

— Ага, — согласился бандит. — А в туалет ты зашел просто отлить, так?

— Так.

— Нет, малыш. На твою беду, человек, за которым ты следил, — очень осторожен и аккуратен. У него есть дурацкая привычка — перед выходом из дома тщательно осматривать свою одежду... Он всегда знает, что лежит у него в карманах. Ты зашел за ним в туалет, поскользнулся на банановой кожуре, упал на него. И представь себе — сразу после этого неприятного инцидента в кармане у моего друга появилась черная зажигалка. В свою очередь мы с Чалым покопались в осколках этой зажигалки и нашли кое-что интересное. Что скажешь?

— Скажу, что очень уж изящно ты выражаешься, — усмехнулся Филя. — Для бандита.

Лом рассмеялся.

— А ты думал, у всех бандитов четыре класса образования и полный рот слюней? Нет, малыш. Я и в университете свое поучился... Хотя блатную феню я тоже знаю, если ты на это намекаешь... Ладно хватит лирических отступлений.

Давай, говори, на кого работаешь, и покончим с этим. Не знаю, как у тебя, а у меня еще сегодня куча дел.

— А если я скажу... ты ведь меня... все равно пришьешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.